

ОНА ПОКЛЯЛАСЬ
ОТОМСТИТЬ

САБИНА МАРТИН
МЛАСКА

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
УДОБСТВА

Маска

Сабина Мартин

Маска

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2012

УДК 821.112.2
ББК 84.4Г

Мартин С.

Маска / С. Мартин — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2012 — (Маска)

ISBN 978-966-14-9474-8

Средневековая Германия. Мелисанде было всего тринадцать, когда на ее глазах погибла вся семья: заклятый враг ее отца де Брюс с отрядом наемников устроил засаду на дороге. Девочка чудом выжила и поклялась отомстить де Брюсу... Волею случая Мелисанда попала в семью городского палача, который вырастил ее и обучил своему ремеслу. Однажды Мелисанда спасла невинного юношу от казни и помогла ему сбежать. Но теперь она и сама вынуждена скрываться. Удастся ли ей отомстить могущественному врагу? Поможет ли ей тот, кого она спасла?

УДК 821.112.2
ББК 84.4Г

ISBN 978-966-14-9474-8

© Мартин С., 2012
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2012

Содержание

Маска	6
Глава 1	6
Глава 2	30
Глава 3	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Сабина Мартин

Маска

© Bastei Lübbe AG, Köln, 2012

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2015

Маска

Спасибо Федерико, из-за которого все это и началось.

*Днем слепа сова, ночью – заяц, но кого ослепила жажда мести,
тот не видит ничего ни днем, ни ночью.*

Индийская поговорка

Глава 1 Засада

Июнь 1325 года

Де Брюс потрепал Беса по шее. Черный конь тихонько фыркнул и забил копытом.

– Спокойно, мой хороший. Уже недолго осталось. Скоро ты сможешь насладиться чудесным зрелищем, которому нет равных. Правда, поиграть тебе не удастся. Ты слишком дорог мне, нельзя позволить, чтобы тебя ранили в бою. Сам понимаешь.

Конь тряхнул гривой.

Де Брюс кивнул Адаму, своему новому оруженосцу. Мальчишка стоял немного в стороне, заглядывая в ущелье.

– Бес понимает меня лучше всех, верно?

– Вы, как всегда, правы, господин, – склонил голову оруженосец.

Де Брюс приподнял брови.

– Если держишь знамя по ветру, следи, чтобы однажды буря не порвала его в клочья, – хмыкнул он.

Мальчик лукаво улыбнулся.

– Когда грянет буря, нужно свернуть знамя. Кто противится ей, того подхватит и унесет ветер.

Де Брюс засмеялся. Если свернуть знамя, его могут втоптать в грязь, и юный шутник довольно быстро это поймет. Мужчина достал из седельной сумки морковку и протянул Бесу. Конь осторожно взял угощение с латной перчатки.

Потянувшись, де Брюс удовлетворенно вздохнул и повернулся к Адаму. Мальчик, щурясь, вглядывался в лес.

– Да, смотри-смотри. Ничего ты не увидишь. Они и сами заметят засаду, только когда попадут в ловушку. Буря грянет так быстро, что у них не будет времени спрятать свои знамена. Ничего от них не останется. Как хорошо, что люди так глупы, да? А теперь помоги мне.

Адам поставил перед лошадьёю небольшой деревянный табурет, подвел своего господина и помог ему взобраться на подставку. Де Брюс ухватился левой рукой за луку, а правой – за само седло и при помощи Адама уселся верхом на коня. Бес шагнул в сторону, чтобы удержать равновесие: всадник и его доспехи весили около двухсот пятидесяти фунтов и даже для такого породистого боевого коня, как Бес, нести эту тяжесть было нелегко.

– Молодец, хороший мой. – Де Брюс с любовью потрепал коня по холке.

Он не собирался вступать в бой, но решил не рисковать и надеть доспехи: всегда нужно опасаться шального арбалетного болта, копья или секиры. Кроме того, обстоятельства могут

сложиться непредвиденным образом и ему придется сражаться. В этом случае чем прочнее доспех, тем лучше. Правда, тогда он сменит коня. Нельзя подвергать Беса опасности.

Адам проверил поножи своего господина и седельные ремни Беса и покрепче затянул подпруги, чтобы седло не съехало вперед. Ущелье было глубоким, и если де Брюс упадет туда с лошади, то, скорее всего, погибнет.

– Спасибо, Адам, – сказал де Брюс. – Ты, как всегда, отлично выполняешь свою работу. Когда-нибудь и ты будешь восседать на таком скакуне и получишь собственного оруженосца. Я уверен в этом.

«Если, конечно, не останешься таким же неженкой, который бледнеет, когда кому-то вырывают язык», – подумал де Брюс. Он никогда не сделал бы Адама своим оруженосцем, но у него не было выбора. Герцог Эберхард, его сюзерен, попросил взять Адама в обучение и обходиться с ним помягче. А просьба сюзерена – приказ. Теперь же Эберхард умер и опекуном Адама стал племянник герцога, Ульрих III, а значит, через пять лет, когда мальчику исполнится двадцать один год, Адам станет рыцарем, и неважно, проявит он боевую доблесть или нет.

Де Брюс поморщился. На коже выступил пот, капли катились по спине, собирались под мышками, стекали по затылку. Даже руки вспотели. День только начался, но воздух дрожал от зноя, и в доспехах рыцарь чувствовал себя, будто в печи. К счастью, бой продлится недолго.

– Хорошо. – Де Брюс расправил плечи. – Давай сделаем невозможное.

Увидев, что Адам перекрестил его, рыцарь рассмеялся.

– Мой дорогой друг, если бы Господь не благоволил ко мне, я давно уже был бы мертв. А теперь вперед, добыча ждет!

* * *

Мелисанда беспокойно поерзала на неудобном сиденье. Вначале она еще пыталась приспособиться к движениям быка, который тянул повозку, но быстро отказалась от этой затеи. Дорога была неровной, и, чтобы не свалиться, ей приходилось цепляться за сундук с одеждой, на котором она сидела. Когда одно колесо, огромное, как мельничный жернов, попадало в выбоину, второе поднималось. Конрад, отец Мелисанды, настоял на том, чтобы отвезти семью домой, – в этой неудобной повозке. А Беата, мать Мелисанды, позаботилась о том, чтобы дочь надела мерзкое льняное платье, висевшее на девочке мешком. Сейчас Мелисанда была похожа на крестьянского мальчишку-заморыша. Кожаные сапоги девочка сняла, потому что в них было слишком жарко. Единственной вещью, которая указывала на то, что Мелисанда на самом деле дочь богатого купца, представительница всеми уважаемого семейства Вильгельмисов, была серебряная заколка, красовавшаяся в ее огненно-рыжих волосах.

Мелисанде казалось, что поездка продолжается несколько дней, хотя они выехали только этим утром и отсюда было совсем недалеко до Эслингена, где их семья жила в большом доме у рыночной площади. Но девочка вот уже в который раз спросила у матери, когда же они приедут.

– На закате мы будем дома, – терпеливо ответила Беата, поглаживая по голове Гертруду, младшую дочь.

Та могла спать где угодно и когда угодно. Глядя на сестренку, Мелисанда поморщилась. Даже в грозу, когда гремел гром и все в доме тряслось от страха, Гертруда спокойно спала в своей кровати.

Мелисанде было скучно. Ей хотелось хоть чем-то себя занять. Она могла бы заняться вышиванием или почитать что-нибудь, но при такой тряске ничего не получится. Не успеет она сделать стежок, как раз десять уколетса иголкой. А буквы начнут прыгать перед глазами

и ее только затошнит, так что о приключениях благородного рыцаря Парцифалья и подвигах Гавана придется почитать позже. Да и писать тут тоже не получится, а ведь она могла бы перевести псалом, который ей задал магистр. Псалмы... Какая скука! Мелисанде намного больше нравились истории о рыцарях и драконах. Гаван – вот герой, который ей по вкусу. Какой он отважный! И удалой! Ах, если бы и в жизни повстречать такого рыцаря. А вместо этого приходилось переписывать Пятикнижие и учить наизусть псалмы. Что ж, как бы то ни было, папа и мама ею гордились. За успехи в латыни, счете и письме родители иногда разрешали ей тренироваться в стрельбе из лука. Другим девочкам это было запрещено, и родители просили Мелисанду никому не рассказывать о своих тренировках.

Повозку снова тряхнуло. Девочка схватилась за борт телеги. Если так пойдет и дальше, она неделю сидеть не сможет. Мелисанда спрыгнула с сундука и отодвинула тент, который соорудил отец, чтобы защитить мать от солнца. Беата с огромным животом и набухшей грудью выглядела довольно мило. Она сильно набрала в весе с тех пор, как у нее в животике появился новый малыш. Даже ее лицо округлилось. Отец говорил, что родится мальчик, но мама только молча улыбалась.

Мелисанда прищурилась на солнце. Прямо перед ней скакал воин в доспехах. Доспехи позвякивали, солнечные лучи отражались от полированного металла. Казалось, этот воин способен одолеть любого противника. Его конь был сильным, как бык, фыркал, будто дракон, и постоянно оглядывался, точно искал достойного соперника. В правой руке мужчина сжимал копье, а в левой – заряженный арбалет. На спине у него висел двуручный меч¹ – ударом такого меча можно было разрубить человека надвое. Если, конечно, хватит сил на то, чтобы поднять это оружие. Когда-то Мелисанде посчастливилось подержать в руках такой меч. Она едва смогла приподнять клинок над землей, а уж о том, чтобы замахнуться, не могло быть и речи. Дядя показал ей, как орудовать мечом: подхватил его, будто соломинку, и разрубил свиную тушу. Мама тогда покраснела от злости и пригрозила мужу своей сестры всеми муками ада, если только он осмелится учудить что-то подобное еще раз. Папа же оставался спокоен. Он отвел маму в сторону и, улыбаясь, тихо поговорил с ней. Но, похоже, маме удалось отстоять свое мнение: папа и дядя после этого отмалчивались пару дней, хмуро переглядываясь. Это было два года назад, и с тех пор Мелисанде не разрешали прикасаться к подобному оружию.

– Если я поймаю тебя с мечом, то отправлю в монастырь. Понятно? – Мама тогда угрожающе ткнула в нее пальцем.

Да, Мелисанде было понятно. И она не нарушала материнский запрет, потому что Беата всегда выполняла свои угрозы.

Опять звякнули доспехи. Наемник развернулся в седле и посмотрел вдаль. Отец, ехавший позади каравана, крикнул, что все в порядке. Повернувшись, всадник увидел выглядывавшую из-под тента Мелисанду. А девочке только того и требовалось: она тут же набросилась на него с вопросами:

– Вы кто? Я вас еще никогда не видела. Вы издалека? Вы так же отважны, как благородный Гаван? Вы уже много драконов убили? Еще остались рыцари, которых вы не вызывали на поединок?

Наемник и глазом не моргнул.

– Меня зовут Зигфрид фон Рабенштайн. Мой родовой замок в двух неделях езды отсюда. Нет, я еще не убивал драконов, потому что их не существует. А рыцарей столько, что всех их не вызовешь на поединок.

– Зачем вы здесь?

---

¹ Двуручный меч достигал двух метров в длину и весил около шести килограммов. (Здесь и далее примеч. авт., если не указано иное.)

– Меня попросил об этом ваш отец.

Мелисанда высунулась из телеги, посмотрела вперед и назад и принялась считать. Насколько она могла судить, караван сопровождали десять всадников в полных доспехах. Так много еще никогда не было. Кроме того, впереди и сзади шли десять пехотинцев с копьями и даже мечами. Из-за того, что дорога была узкой, им пришлось выстроиться в колонну по три. Слева и справа раскинулся густой лес.

Мелисанда обожала рыцарей, хотя брат говорил ей, что бывают рыцари, которых уважать не за что. Обедневшие рыцари зачастую становились грабителями и нападали на караваны купцов, убивали паломников, чтобы забрать их вещи. Рудгер был старше Мелисанды на три года, ему недавно исполнилось шестнадцать. Раньше они часто сидели на чердаке среди рулонов ткани, которой торговал их отец, и играли вырезанными из дерева фигурками рыцарей, разрабатывая план боя или осады вражеского замка. Рудгер постоянно поддразнивал сестренку, говоря, что она должна была родиться мальчиком, но произошла какая-то досадная ошибка и на свет появилась девочка. Мелисанда очень любила брата, и ей нравилось проводить с ним время. Правда, теперь у Рудгера не было времени на игры, потому что он с утра до вечера помогал отцу в работе. Иногда они уезжали на несколько недель, присоединяясь к другим купцам. Какие удивительные истории рассказывал Рудгер по возвращении! Через два-три года ему предстояло жениться и переехать с женой на север. Но Мелисанда не хотела даже думать об этом. Рудгеру придется уехать... Это было ужасно. Однако до тех пор оставалось еще много времени, и оно будет тянуться целую вечность. Почти как эта поездка.

Прежде чем Мелисанда успела засыпать Зигфрида новыми вопросами, мать призвала ее к порядку.

– Мелисанда! Вернись под тент! Не пристало девочке заговаривать с рыцарем.

– Да, мама.

И Мелисанда неохотно заняла свое место на сундуке.

* * *

Рудгер ехал рядом с отцом.

– Вскоре мы въедем в ущелье. Это единственное место, где он может нанести удар.

Конрад Вильгельмис кивнул.

– Он победит, только если соберет двести всадников. А такого даже де Брюс себе позволить не может. – Он тряхнул пышной гривой рыжевато-каштановых волос и, улыбнувшись, продолжил: – Наши разведчики ничего не обнаружили. Там никого нет. – Конрад указал на возвышавшиеся впереди скалы.

Рудгер нахмурился.

– У меня странное чувство, словно там что-то есть, но я не вижу этого.

– Это страх, вызванный опасностью. – Конрад опустил руку ему на плечо. – Там нет ничего, о чем стоило бы беспокоиться, сынок. Но хорошо, что ты осознаешь свой страх. Только так ты сможешь принять верное решение в критический момент.

– Конечно, ты прав, отец.

Рудгер развернул коня и вновь пристроился в конце каравана.

Отец нашел правильные слова, чтобы объяснить юноше его состояние, и все же у Рудгера по спине бегали мурашки. В точности так, как в тот день, когда на него внезапно напал медведь. Зверь подкрался к парню незаметно, но он успел обернуться и нанести удар. Рудгер всегда предчувствовал опасность. Вот и сейчас. Больше всего ему хотелось попросить отца вернуться, но это было бессмысленно. «Нужно взять себя в руки, – подумал юноша. – Разведчики ничего не обнаружили, значит, все в порядке».

* * *

Мелисанда вздохнула. Рудгеру хорошо, ему можно скакать верхом. А ей приходится убивать время в этой узкой крытой телеге.

– Почему с нами столько охраны, мам? – спросила она, хотя знала ответ.

– Лес густой, в нем затаились разбойники, а нам нужно от них защититься, ты же знаешь.

Мелисанда уже хотела что-то сказать, но вовремя сдержалась, иначе она выдала бы себя. Пару дней назад девочка случайно подслушала разговор родителей.

Они стояли в коридоре и шептались, но Мелисанде все было слышно из комнаты. Дверь была приоткрыта, и девочка даже видела отца и мать.

– Я ему не доверяю, – тихо сказал Конрад, сжав кулаки.

– На такое не осмелится даже Отгмар де Брюс, – возразила Беата. – Ты выдумываешь. Кроме того, он ведь понимает, что мы не виноваты. Каждый знает, что это была самозащита. Наемники дорого стоят, очень дорого. Где ты возьмешь деньги? Ты тратишь все наши сбережения на это безумие. Если продолжится засуха, золото понадобится для покупки еды и корма для скота. Я и так чувствую себя пленницей: никуда не могу пойти без охраны. – Мать покачала головой. – Это пустое расточительство. Нам не нужно столько наемников. Он никогда не осмелится...

– Ты его не знаешь. Отгмар де Брюс совсем сошел с ума. Никто не верит в его обвинения, это правда. Но ему и не нужно, чтобы в них кто-то верил. Достаточно того, что верит он сам. Я не хочу потерять тебя или кого-то из моих детей. Я этого не вынесу. Вы мне дороже всего золота мира. И если он действительно настолько безумен, что нападет на нас... Что ж, эти мужчины – отличные воины, они справятся с любым противником. – Отец взял мать за руки.

Она прижалась к нему.

– Никто не способен победить всех врагов, и ты это знаешь, – прошептала она.

– Может быть, и так. Но у де Брюса нет ни морали, ни веры. И это делает его слабым.

А Господь на стороне правых.

Мелисанда знала своего отца и всегда понимала, что он имеет в виду на самом деле. Эта его фраза про Господа означала только одно: «Ах, если бы только так было».

– Он не осмелится, никогда... – повысила голос мать, и он эхом отразился от стен.

– Де Брюс способен на все. Он обвиняет меня в преступлении, которого я не совершал, – прошипел отец, отстраняясь от Беаты. – Наши семьи враждуют уже несколько поколений. И почему? Потому что де Брюсы – жадные мошенники.

– Не все, Конрад, не все. Ты это знаешь не хуже меня. Гернот не должен был погибнуть. Он был всего лишь мальчишкой.

Мелисанда увидела, как отец прищурился. Прежде чем он успел выйти из себя, мать коснулась пальцем его губ.

– Ты считаешь, что я могу променять его жизнь на твою? – улыбнулась она.

И Конрад расслабился.

– Но подумай о деде де Брюса, – продолжила Беата. – Он пытался примирить наши семейства. И почему это ему не удалось? Потому что твой отец не поступился ни на шаг. И теперь мы все расплачиваемся за это. Ужасно.

Конрад Вильгельмис поморщился.

– Может быть, ты и права, однако не мы начали эту вражду. Все так, как оно есть, и, пока жив Отгмар де Брюс, нам не будет покоя. Ты же знаешь, как он жесток, как обращается со своими людьми. Пару недель назад он до смерти забил слугу плетью только потому, что

несчастный осмелился ему возразить. Но мы готовы. Если он нападет на нас, то пожалеет об этом. А теперь пойдём. Праздник начинается.

Помедлив, отец вздохнул и нежно погладил мать по щеке.

– Беата, ты великолепна. И я люблю тебя. А все остальное неважно.

Мелисанда чуть не рассмеялась, когда они бросились друг другу в объятия и принялись целоваться. Боже, разве можно так облизывать друг друга, точно щенки? Но еще долго после того, как они ушли во двор праздновать свадьбу, слова Беаты наполняли ее душу страхом.

* * *

Де Брюс выехал из ущелья, когда убедился, что замел все следы. Остановившись в тени дерева, он притаился и, словно кошка, выслеживающая мышь, стал ждать. Адам воспользовался передышкой, чтобы потренироваться в обращении с мечом, время от времени отвлекаясь на то, чтобы принести своему господину разбавленного родниковой водой вина.

Терпение – добродетель рыцаря. Когда наступает подходящий момент, нужно действовать решительно и без промедления. Упустил момент – опять жди. Полчаса² могут решить исход боя, мгновение – жизнь или смерть в поединке.

Ждать – значит контролировать свои чувства. Это высокое искусство, и де Брюс владел им в совершенстве. За это он был благодарен своему отцу – тот выбил из него плаксивость, изнеженность, слабость. Вначале было трудно, но с годами де Брюс осознал преимущества, которые получает человек, способный управлять собственными эмоциями.

Одиннадцать месяцев прошло с тех пор, как Конрад Вильгельмис убил Гернота, его единственного сына. Этот подлый убийца не дал мальчику времени для честного боя. Де Брюс был уверен, что Вильгельмис подкупил свидетелей, и те поклялись, что Гернот обнажил меч первым. Суд оправдал Конрада. Но де Брюс знал, что Гернот не осмелился бы действовать против его приказа: «Никогда не нападай ни на кого из Вильгельмисов, если тебя не прикрывает другой воин. Никогда не нападай ни на кого из Вильгельмисов при свидетелях. Никогда не нападай ни на кого из Вильгельмисов спереди».

Конрад Вильгельмис, этот жалкий тип, был трусом и не принял его вызов на поединок. Если бы он вступил в честный бой, то смог бы спасти свою семью. Наверное.

Отмар де Брюс облизнулся. Он уже давно предвкушал особое наслаждение в ожидании расправы с Вильгельмисами. Он представлял, как будет забавляться с его дочерью Мелисандой. Все было готово. Вскоре эта чудесная девчушка – еще незрелая красотка – забьется в его руках.

* * *

Мелисанду одолевала скука.

«Вечером, на закате», – мысленно повторяла она.

Девочка вздохнула. Что ж, придется ждать еще много часов. Стояло лето, и солнце садилось поздно. Обычно Мелисанду это радовало, потому что она могла дольше оставаться на улице, играть, гулять в лесу, гоняться с луком за зайцами. Правда, до сих пор ей не удалось подстрелить ни одного. Эти зверьки были слишком быстрыми, а стрелы, точно зачарованные, летели мимо.

---

² Час, как мера времени, в Средневековье зависел от времени года и не соответствовал шестидесяти минутам. Дневные часы начинались на рассвете. Так, в июне первый час дня длился с 4:27 до 5:42, то есть составлял семьдесят пять минут. А первый час ночи начинался в 19:30. Во время зимнего солнцестояния первый час дня длился с 7:33 до 8:17, то есть составлял сорок четыре минуты. А ночь начиналась уже в 16:30.

Рудгер всегда смеялся, когда она рассказывала ему о своих неудачах. Он способен был попасть в зайца с одного выстрела. И неудивительно. Он же тренировался по несколько часов в день, пользовался каждым свободным моментом, когда ему не нужно было корпеть над книгами или помогать отцу. Рудгеру вообще хорошо жилось: приключения, путешествия... Он уже побывал во многих городах. Кельн. Трир. Лукка. Венеция. В последний раз они с отцом уехали на два месяца, в то время как Мелисанда, оставшаяся дома, должна была учиться шить и готовить. Рудгер уже был настоящим мужчиной. Он мог идти туда, куда ему хотелось, и делать то, что нравится, а Мелисанду всегда кто-то сопровождал.

В будущем она хотела стать столь же свободной, как и Рудгер. Впрочем, надо признать, ей жилось довольно неплохо. Вспомнить хотя бы Герит, дочь торговца специями Антониса. Бедняжка! Ей даже верхом не разрешали ездить, не говоря уже о стрельбе из лука. Ей приходилось целый день работать по дому, помогая матери. Будто она служанка какая-то.

От сильного толчка Мелисанда свалилась с сундука. Свернувшись калачиком на дне телеги, девочка потирала ушибленную руку. Беата стукнулась о бок телеги и застонала, схватившись за живот. Гертруда что-то пробормотала во сне.

Повозка остановилась.

Мелисанда услышала, как ругнулся отец.

– Вы что, с ума сошли? Не заметили выбоину? Хотите убить мою жену и ребенка? Следите за дорогой, а то вам придется искать другую работу!

Тент отодвинулся в сторону, и Конрад, забравшись в повозку, присел рядом с женой.

– Все в порядке, ангел мой?

Беата слабо улыбнулась.

– Тебе не стоит ругаться. И не называй меня ангелом. Лучше постарайся, чтобы мы поскорее приехали домой. Не хочу провести ночь в этой развалюхе.

В ответ Конрад осторожно опустил ладонь ей на живот.

– С ребенком все в порядке?

Беата убрала его руку.

– Да. А теперь скажи слугам, чтобы поторапливались. Мне нужна ванна, моя кровать и покой.

Мелисанда воспользовалась подвернувшейся возможностью.

– Пап, можно к тебе на лошадь? Я буду сидеть тихо-тихо. – Она мило улыбнулась.

Обычно такой улыбки хватало, чтобы растопить сердце отца, но только не в этот раз.

– Ты, – он ткнул в нее пальцем, – и твоя младшая сестра останетесь здесь. Присмотрите за матерью. Вы, блошки, снаружи будете только мешать мне.

– Ну па-ап... – надулась Мелисанда.

Конрад глубоко вздохнул и чмокнул дочь в щеку.

– Нам нужно спешить, – мягко произнес он. – А завтра мы с тобой покатаемся верхом. Только ты и я. Обещаю. Что скажешь, Мел? Ты же моя принцессочка.

Мелисанда бросилась отцу на шею и расцеловала его. Рассмеявшись, мужчина осторожно отстранился. Тент отодвинулся, отец выбрался наружу, а Мелисанда свернулась в клубочек у ног матери и закрыла глаза. Она вспоминала свадьбу, вкусную еду, музыку, веселые танцы. Лицо невесты, которая выглядела скорее испуганной, чем довольной. Свадьба длилась четыре дня. Интересно, а какой будет ее свадьба? И ее жених? Хотелось бы, чтобы он был рыцарем, таким же красивым и чудесным, как благородный Гаван...

Мир перед глазами Мелисанды поплыл, и вскоре она уснула.

* * *

Конрад вскочил на коня. До ущелья оставалось всего полмили, но он не отдавал приказ каравану продолжать путь. Мужчина быстро подозвал к себе фон Рабенштайна, и они галопом поскакали в голову каравана, мимо тяжело груженных телег, заставленных кладью, мимо пехотинцев, чьи покрытые шрамами лица свидетельствовали как о множестве битв, в которых им пришлось принимать участие, так и о полученных ранах.

Конрад осадил коня.

– Я хочу сам взглянуть на ущелье.

Рабенштайн кивнул.

– Как скажете. Но разведчики все уже осмотрели.

– Значит, я осмотрю еще раз, даже если они перевернули каждый камень. Разве можно быть уверенным, что там не притаилась гадюка? Поедемте! – Конрад пустил коня шагом, внимательно оглядываясь по сторонам.

Рабенштайн последовал за ним.

– Могу я задать вам вопрос?

Конрад кивнул, не отрывая взгляда от стен ущелья.

– Вы купец, но, тем не менее, хорошо разбираетесь в военном деле. Ваш сын – отличный воин, да и вы сами превосходно обращаетесь с мечом. Небольшая армия, которую вы собрали, готова к бою, среди них не какие-то жалкие наемники, а люди с отменной репутацией. Выбор оружия и доспехов сделал бы честь иному полководцу. Как вам это удалось?

Конрад мрачно улыбнулся.

– Вот уже много поколений длится вражда между нашей семьей и де Брюсами. Мой прапрадед был не купцом, а солдатом. Но поскольку он не был рыцарем по рождению, ему пришлось честным трудом добиваться того, что иным даровано судьбой. Он дослужился до командира роты, солдаты уважали и любили его. Он ходил с Ричардом Львиное Сердце в бой с Саладином и одержал победу в битве под Акрой. И все же мой прапрадед не вернулся домой с Востока. Один из де Брюсов нанес ему коварный удар в спину, чтобы забрать себе добычу. Как вы понимаете, в дальнейшем вражда между семьями стала неизбежной. Чтобы защититься от де Брюсов, все мужчины в нашей семье обучаются военному искусству, такова традиция. Кроме того, я – капитан стражи при гильдии торговцев тканями. Некоторые предпочитают откупиться, лишь бы не служить солдатом. Я считаю это недостойным.

– Понимаю, – кивнул Рабенштайн.

Они проехали дальше в ущелье. Вокруг возвышались отвесные скалы.

Беата хотела убедить Конрада обогнуть ущелье, но тогда им пришлось бы подниматься по крутому склону, что было бы неудобно для каравана и опасно для беременной. А еще так де Брюс получил бы преимущество во времени и смог бы устроить им засаду.

Конрад остановился, спешился и указал на странную отметину на песке.

– Похоже, тут кто-то заметал следы.

Рабенштайн присмотрелся внимательнее.

– Мне кажется, какой-то хищник тащил свою добычу в логово. Вот, посмотрите. – Он продемонстрировал Конраду круглые отпечатки на песке. – Это след от медвежьих лап. А вон там кровь.

Конрад кивнул.

– Да, мне уже мерещится всякое. Вы правы. И все же давайте доедем до конца ущелья.

Рабенштайн прищепил коня, и Конрад, запрыгнув в седло, поскакал за ним.

– Вы считаете меня трусом, Рабенштайн?

Рыцарь ухмыльнулся.

– Нисколько. Напротив. Должен признать, я бы на вашем месте не поехал на эту свадьбу.

Конрад покачал головой.

– Это означало бы признать поражение перед де Брюсом. Ни за что. Он не должен меня ограничивать. Оглянитесь. Вы не замечаете ничего подозрительного?

– Замечаю.

– Что же? – опешил Конрад.

– Подозрительно то, что все слишком уж спокойно. Нам стоило бы послать разведчиков на скалы.

– Хорошо, – согласился Конрад. – Я прикажу трем всадникам скакать наверх. Но вы ведь сами говорили, что опасность угрожает нам при выезде из ущелья, а не внутри него.

– Верно. Враг может напасть на нас из леса, но выезд из ущелья находится в семи выстрелах из лука от кромки леса. Даже в галопе мне понадобится столько же времени, чтобы доскакать от леса до ущелья, сколько нужно шагом, чтобы проехать по самому ущелью. Я проверял.

– Ну вот видите. Давайте возвращаться. Нужно сказать нашим спутникам, что опасности нет.

* * *

Раймунд насвистывал веселую песенку. В такой жаркий день он предпочел бы позагорать на солнце и насладиться бездельем. Но долг зовет – еще нужно собрать тимьяна. Мать-и-мачехи и тысячелистника он нашел уже достаточно.

Он вышел из-за деревьев на склон горы, прикрыл глаза рукой от солнца и осмотрелся. На краю ущелья мужчина разглядел трех всадников, стоявших к нему спиной. У Раймунда был глаз как у орла, он мог различить множество деталей, которые остались бы скрытыми для другого человека. У этих всадников не было ни гербов, ни знаков отличий, что не предвещало ничего хорошего. В последнее время в округе завелись раубриттеры³, готовые шутки ради отрубить голову такому бедняге, как он.

Раймунд отошел в тень деревьев, чтобы скрыться от взглядов чужаков. Что бы там ни высматривали эти незнакомцы, они не были готовы к нападению со спины. Если бы Раймунд задумал недоброе, он мог бы подкрасться к ним ползком по траве и убить всех троих. Они даже не поняли бы, что происходит. И так, в первого бросить топор. Сразу вскочить и застрелить из лука второго. И, прежде чем третий успеет обнажить меч, наброситься на него и перерезать горло.

Раймунд не жалел о том, что долго служил наемником. Возможно, он так бы и остался наемником, если бы однажды сам Господь не подал ему верный знак: пришло время вернуться домой и заняться ремеслом отца. Однажды Раймунд с несколькими солдатами попал в засаду и понял, что за их жизнь никто и гроша ломаного не даст. Тогда он поклялся Богу, что сразу же вернется в Эсслинген, если только Господь пощадит его и соратников. В тот же момент подоспело неожиданное подкрепление и отряд Раймунда был спасен.

За те годы он многое узнал о людях. И не только об их душах, но и о телах: что скрыто под кожей, что в животе, что в голове. Жилы, кости, кровь, вены, внутренности, мозг – чего он только не повидал! Некоторым он сумел спасти жизнь, других избавил от страданий перед смертью, опоив их снимающими боль настойками. Мужчины, нападавшие на села, насилующие женщин, убивавшие мужчин, сжигавшие стариков заживо, вызывали в нем отвращение.

---

³ Раубриттеры – рыцари или люди знатного происхождения, промышленные разбоем и грабежом. Часто объединялись в отряды или собирали вокруг себя наемников. (Примеч. пер.)

щение. Он не хотел принимать в этом участия, и потому многие считали его слабаком. Но когда им, раненым, метавшимся в горячке, доводилось взглянуть в лицо смерти, Раймунд становился их лучшим другом. А друзья, как известно, помогают друг другу.

Отогнав от себя эти мысли, Раймунд задумался о том, как же пробраться к зарослям тимьяна незамеченным. Он прошел по краю леса, сделав крюк, и вскоре добрался до небольшой рощицы прямо над ущельем. Всадники по-прежнему стояли к нему спиной. Их отделяло от Раймунда около шестисот шагов, но они его не видели и не слышали.

Раймунд опустился на четвереньки и пополз вперед, к зарослям тимьяна, когда услышал арбалетный выстрел и прижался к земле. Всадники попадали с лошадей почти одновременно, и Раймунд увидел, как их лошадей оседлали другие мужчины, удивительно похожие на павших. Двоих из этих всадников Раймунд знал: прихвостни Оттмара де Брюса. Мужчина сильнее прижался к земле. Если его сейчас заметят, смерти ему не миновать.

Словно из-под земли вокруг появлялось все больше солдат, которые прятались в траве и теперь беззвучно поднимали арбалеты. Один из всадников поскакал к обрыву и подал условный знак.

Раймунд стал свидетелем коварного нападения из засады! Наверняка жертвой станет семья Вильгельмисов. Раймунд знал историю вражды де Брюсов и Вильгельмисов. По крайней мере, в эту вражду верил Гернот де Брюс, юный сорвиголоу, который в возрасте восьми лет в припадке ярости убил человека, но из-за вмешательства графа Оттмара де Брюса избежал справедливого наказания за свое преступление. Де Брюсу закон был не писан, он сам создавал законы и строго их придерживался. Смерть Гернота, его единственного сына, стала для Оттмара страшным ударом. Он поклялся отомстить тому, кто убил его ребенка. Раймунд не видел поединка, в котором погиб Гернот, но, по слухам, Гернот напал первым, и Конрад Вильгельмис убил его. Конраду потребовалось всего десять ударов, и Гернот, весь окровавленный, повалился на землю, а в следующее мгновение его глаза остекленели. Нашлись свидетели случившегося, и все говорили одно и то же: «Это был честный бой. Самозащита. Конрад отвернулся, когда Гернот обнажил свой меч».

Раймунд знал Конрада Вильгельмиса и считал его суровым и набожным человеком. Он всегда держал слово, и потому подписанные им бумаги стоили больше, чем заверенный королевской печатью приказ. Но в этой истории с Гернотом Конрад допустил роковую ошибку. Достаточно было разоружить мальчишку и унижить его.

Раймунд нащупал на поясе кинжал и обратил свой взгляд на другую сторону ущелья. Там тоже убили и подменили разведчиков, их место заняли всадники с арбалетами. Раймунду пришлось отдать де Брюсу должное: план был великолепен. По всей вероятности, стрелки выкопали окопы в земле и спрятались в них.

Он осторожно оглянулся.

Ловушка, расставленная де Брюсом, была идеальна, и сомнений, что она сработает в любой момент, не оставалось. Никто из тех, кто ехал сейчас по ущелью, не выберется оттуда живым. Раймунд прекрасно понимал, как будут действовать стрелки. Вначале они убьют всадников в доспехах – тут помогут арбалеты и мощные луки. Потом – обстреляют пехотинцев. Того же, кто выживет после обстрела, добьют в ближнем бою. И Раймунд ничего не мог с этим сделать.

– Господи, Ты справедлив. – Мужчина сложил руки в молитве. – Прими души несчастных, что падут в этой битве. Да войдут они в Царствие Твое.

Лучники и арбалетчики выбрались из окопов и принялись за работу. Раймунд молча молился, слыша доносившиеся из ущелья крики. Затем он беззвучно пополз к опушке леса. Он увидел уже достаточно. А тимьян есть и на полянке неподалеку. Мужчина осторожно перебирался из одного укрытия в другое.

* * *

Мелисанда вскинулась от сна, услышав крик. Телега дернулась и остановилась. Опять ухаб на дороге?

На мгновение вокруг воцарилась тишина, а потом девочка услышала знакомый звук: свист, а за ним – приглушенный вскрик. Тент скользнул в сторону, и в повозку упал Зигфрид фон Рабенштайн. Мелисанда потрясенно смотрела на него: из шеи рыцаря торчал арбалетный болт, глаза широко распахнулись в агонии, из горла била кровь, руки и ноги подергивались, точно Зигфрида одержал злой дух. Дернувшись в последний раз, рыцарь умер.

Теперь крики звучали уже повсюду, на караван обрушился град арбалетных болтов. Кто-то отдавал приказы, лошади испуганно ржали. Мелисанда оглянулась. Мать, побледнев от ужаса, притянула к себе младшую дочь. Они вжались в проем между сундуком и бочкой. Беата дрожала, Гертруда тихонько хныкала спросонья.

– Он действительно на это решился, – прошептала Беата. – Господи, смилуйся над нами. – Женщина сложила руки в молитве.

Еще один крик.

Гертруда, вздрогнув, разревелась во весь голос. Болты и стрелы пролетали над повозкой, косили людей слева и справа. В Мелисанду, Гертруду и Беату они не попадали, арбалетчики и лучники, казалось, не стреляли в повозку. Свист снарядов длился так долго, что Мелисанда не выдержала и осторожно выглянула из-за бочки. Увиденное испугало ее до смерти.

Караван остановился в ущелье. По обеим сторонам дороги возвышались отвесные скалы. Волон убили, как и слугу, правившего ими. Вокруг повозки сгрудились наемники, прикрывавшиеся щитами от стрел и болтов. Судя по тому, как часто летели смертоносные снаряды, в траве над ущельем укрылось не меньше двух дюжин стрелков.

Шум битвы стал громче. Мелисанда испуганно огляделась вокруг. Где отец? Где Рудгер?

С двух сторон на наемников набросились какие-то вооруженные люди. Мелисанда сглотнула. Сердце так часто билось у нее в груди, что девочке стало плохо.

Вон папа! Он стоял во втором ряду обороны и выпускал в противников стрелу за стрелой.

* * *

Рудгер и Конрад успели поднять щиты и потому избежали мгновенной смерти. Почти треть людей уже пала, из десяти рыцарей выжило всего трое: кто-то отвлекся на разговор или просто не услышал приказ Конрада: «Поднять щиты!»

Рыцари в тяжелых доспехах падали с лошадей, точно спелые плоды с ветки. На такое нападение никто не рассчитывал. Повозки были укреплены железными пластинами, у каравана было много щитов, но сработал эффект неожиданности. Тем не менее предусмотрительность Конрада и вложенные в защиту каравана деньги оправдали себя. Вильгельмис приказал укрепить щиты, чтобы они могли выдержать попадание из арбалета. Без этой дополнительной брони ни один человек не пережил бы первую волну атаки.

Когда град арбалетных болтов прекратился, Конрад осторожно посмотрел вверх. Стрелки отступили, но на голову и хвост каравана напали мечники.

– Первый ряд, поднять щиты! – крикнул Конрад. – Второй ряд, луки к бою!

Он сам передал щит соседу, взял лук и принялся выпускать стрелу за стрелой в приближавшихся пехотинцев. Те тоже прикрывались щитами, но то один, то другой падали: стрелы находили брешь в их защите.

Вскоре колчан Конрада опустел, да и арбалетных болтов осталось немного. Краем глаза он видел, как сражается его сын, и, невзирая на страх, ощутил прилив гордости: Рудгер стрелял спокойно, почти невозмутимо. Он тоже израсходовал последнюю стрелу, отбросил лук и схватился за меч.

Конрад коснулся его руки:

– Рудгер, сынок, я горжусь тобой. Иди, защити своих мать и сестер. Не медли. Я догоню тебя.

Парень побежал к голове каравана. Двое наемников заняли его место и обрушили двуручные мечи на противников. Атака врагов захлебнулась, и в сердце Конрада зародилась надежда.

* * *

Мелисанда выдохнула. Вскоре отец сотрет в порошок всех врагов и привлечет к ответственности зачинщика этого нападения.

И тут град стрел возобновился. Лучники подобрались поближе и отстреливали одного противника за другим. Люди уже не могли защищаться от стрел, поскольку щиты остались за линией сражения. Мелисанда обвела взглядом поле боя, и ей почудилось, что она парит над ним, как бывает во сне. Беата пыталась вернуть ее в укрытие, но Мелисанда не могла отвести глаз от происходящего вокруг. Почему папа и Рудгер не здесь, почему они не могут сбежать? Нет, тут же поправила себя Мелисанда. Ну она и дуреха. Конечно, они не могут сбежать. Они ведь попали в ловушку. Они с Рудгером часто обсуждали тактические преимущества такого плана: застать врага в ущелье, блокировать с двух сторон наемниками, устроившими засаду в лесу – в траве, на деревьях, в ложбинках. Убить разведчиков и заменить своими людьми, ведь с большого расстояния никто не заметит подмену. А потом обстрелять из луков и арбалетов. Так даже небольшой отряд мог уничтожить целую армию противника. Вздрогнув, Мелисанда сложила руки перед грудью и горячо взмолилась:

– Господи, прошу Тебя, не дай моему отцу, маме, сестре и брату погибнуть. Мы не сделали ничего плохого. Пожалуйста-пожалуйста, я больше никогда не буду пропускать священную мессу и говорить плохое об отце Никодимии.

Крики раненых становились все громче и отчаяннее. Мелисанда, не в силах удержаться, вновь выглянула наружу. Обстрел опять прекратился, похоже, лучники израсходовали все свои стрелы, но все больше мечников нападали на охрану каравана. Отец и выжившие наемники выстроились фалангой и с помощью копий и двуручных мечей удерживали врагов на расстоянии. Повсюду лежали раненые, вопившие от боли, от крови земля стала алой. Мелисанда никогда не думала, что в человеке так много крови. Она увидела одного из слуг, старика, который уже не мог сражаться. Он работал у них в доме управляющим, и Мелисанда любила его как дедушку. Из груди старика торчали стрелы, но он был еще жив. Его губы дрожали, руки были сложены в молитве.

Не раздумывая и не обращая внимания на испуганные крики матери, Мелисанда прыгнула с повозки. Подбежав к старику, она взяла его за руку. Кровь струилась из его ран.

– Я здесь, мастер Альбрехт, не бойтесь.

Он открыл глаза и улыбнулся.

– Мелисанда... – слабым голосом произнес он, но его лицо тут же стало серьезным. – Вы должны бежать, – прошептал он. – Немедленно. Мелисанда, берите мать и младшую

сестру и бегите. В большом сундуке на повозке лежит кошель⁴ с золотыми монетами. Возьмите его и повяжите на пояс. Скорее. Иначе вы все погибнете.

Мелисанда крепче сжала его руку.

– Но куда нам бежать?

Управляющий закашлялся, из уголка его рта потекла кровь.

– Пройдите туда, – обессилевшей рукой он указал на заросли кустов прямо за повозкой. – Там, за кустом можжевельника, есть тропа наверх. Идите, Мелисанда, скорее! – Глаза старика закатились, тело обмякло.

Слезы выступили у девочки на глазах, но теперь она хотя бы знала, что делать. Парой прыжков преодолев расстояние до повозки, она достала кошель из сундука, спрятала его под платьем и потянула мать за рукав. Беата все так же сидела за бочкой, прижимая к себе Гертруду.

– Мы должны бежать, немедленно! Мастер Альбрехт мертв. Но он сказал мне, как выбраться отсюда.

Беата застонала, прижимая ладонь к животу.

– Только не сейчас, – охнула она. – Только не сейчас.

– Нет, мама. Прошу тебя, пойдём! Ты должна выжить! Подумай о нём! – Мелисанда указала на живот матери. В голосе девочки слышалось отчаяние, слезы катились по ее щекам.

Краем глаза она увидела, как один из охранников упал на землю от ударов сразу двух противников и лихорадочно пытался уклониться от их смертоносных клинков. Вначале враги отрубили ему руку, а потом ударили мечом в живот. Он дернулся и замер.

Беата попыталась подняться, но силы оставили ее. Мелисанда хотела поддержать мать, однако у нее ничего не получилось. Девочка оглянулась. Каждый был занят только собой. Оставшиеся мужчины, которые еще могли сражаться, ожесточенно сопротивлялись, давая отпор превосходящим силам врага, остальные были либо мертвы, либо тяжело ранены. Отец еще орудовал мечом, защищая хвост каравана, но и ему пришлось отступить на несколько метров. В голове каравана дела обстояли не лучше. Шаг за шагом защитники отступали, хотя и противник нес значительные потери.

Мелисанда тщетно искала Рудгера. Рядом с отцом его не было, она вообще не видела брата. Неужели он погиб? От этой мысли она чуть не потеряла сознание, но сумела взять себя в руки. У нее есть своя задача, нужно спасти маму, Гертруду и еще нерожденного ребенка.

Повернувшись к матери, она потрясла ее за плечо и крикнула:

– Нам нужно уходить! Ты понимаешь? Нам нужно как можно скорее уйти отсюда. Вставай! Ну же, мама!

Но Беата не реагировала.

Мелисанда, помедлив, отпустила матери пощечину.

Это сработало. Встряхнувшись, Беата тяжело поднялась – медленно, слишком медленно. Гертруда тоже вскочила на ноги. Мелисанда помогла им выбраться из повозки. Телега накренилась, Беата потеряла равновесие и упала. Мелисанда попыталась поймать ее, но поняла, что ей с этим не справиться.

Тут кто-то подоспел на помощь. Сердце Мелисанды затрепетало от радости. Рудгер! Он был жив!

Лицо парня заливала кровь, на левой руке зияла рана, но Рудгеру это, похоже, не мешало.

– Нам нужно уйти отсюда, – спокойно произнес он. – Отец задержит врагов, пока мы не будем в безопасности, а потом догонит нас. Мы убили многих из них. Этих солдат наняли за

---

⁴ Кошель во времена Средневековья носили на поясе, в нем хранили деньги и ценные предметы.

звонкую монету, и они готовы на все, но когда дело доходит до крови, наемники поджигают хвост от страха. Еще немного – и они пустятся наутек.

По выражению его лица было ясно, что Рудгер лжет.

Они с Мелисандой подхватили мать с двух сторон, и Рудгер взял на руки Гертруду. Малышка уже не рыдала, только тихонько хныкала. Она зажала уши руками и с ужасом смотрела на происходящее вокруг.

Шум битвы эхом отражался от скал, многократно усиливаясь. Звон мечей болью отдавался в ушах.

Всего пара шагов – и они добрались до зарослей можжевельника. Раздвинув ветви, Мелисанда действительно увидела узкую тропинку, ведущую вверх по склону. Девочка оглянулась. Враги почти вплотную приблизились к каравану. Первая линия обороны вот-вот будет прорвана, вторая еще стояла. Отцу и его охранникам даже удалось закрепиться. Но им это не поможет. Если враги пройдут через первую линию обороны, спасения не будет.

Какой-то отблеск на мгновение ослепил Мелисанду. Прикрыв глаза, она посмотрела вверх. На скале она увидела всадника на черном как смоль коне. Он спокойно наблюдал за ходом битвы. Она узнала его герб, его доспехи, его коня. Оттмар де Брюс.

Склон, отделявший его от Мелисанды и ее семьи, растянулся на сотню шагов. Казалось, де Брюс смотрит на нее с насмешкой. Он готов был поймать ее, но не торопился. Мелисанду прошиб озноб, когда она увидела, как де Брюс величественно повернул коня и медленно поскакал прочь.

* * *

Де Брюс пустил Беса шагом. Его радовало, что задуманный им план сработал даже в мельчайших деталях. Он приказал своим людям не убивать ни Мелисанду, ни ее мать, ни сестру. Он рассчитывал на то, что Рудгер, Конрад или кто-то из охраны поспешит им на помощь, и потому поставил на склоне в начале тропинки трех солдат. Они должны были пропустить женщин и убить их сопровождающих. Де Брюс улыбнулся. Караван не случайно остановили именно в этом месте. Только когда жертва убегает, охота доставляет удовольствие.

Он уже хотел пришпорить Беса, когда услышал взволнованные крики. К нему подбежал запыхавшийся капитан наемников, склонил голову и, тяжело дыша, произнес:

– Атака на хвост каравана может захлебнуться, мой господин. Конрад Вильгельмис и два его рыцаря убили уже двенадцать человек.

Де Брюс не мог поверить своим ушам. Должно быть, этот Вильгельмис заключил сделку с дьяволом! Иначе как бы он справился с превосходящими силами противника? Но де Брюс не верил в дьявола.

– Отправьте лучников в ущелье, – приказал он. – А потом позовите моего капитана стражи, Эберхарда фон Закингена. Он должен положить конец этой игре. И запомните, я со всех трусов шкуру живьем сдеру!

Де Брюс почувствовал, как в нем закипает ярость: случилось невозможное – ему придется вступить в бой, не сменив коня. Проклиная слабаков, он развернул Беса. Как они могли отступить перед этим торгашом?! Пришпорив коня, граф понесся вниз. Хорошо, что он позаботился о доспехах и для себя, и для Беса.

Навстречу ему уже бежали его пехотинцы. В их широко распахнутых глазах плескался страх. Первому из бегущих де Брюс на скаку отрубил голову. Остальные в ужасе остановились.

Де Брюс поднял окровавленный меч и издал победоносный клич. Солдаты, сменив луки и арбалеты на мечи и щиты, снова бросились в ущелье. Пехотинцы тоже развернулись, чтобы продолжить бой.

Де Брюс не знал, что подвигло их на это – страх перед ним или же они взбодрились, увидев подкрепление. Теперь это не имело значения. Они потеряли драгоценное время. Слишком много времени. Должно быть, его добыча уже на гребне скалы. Если он не поторопится, Вильгельмис и его охранники добегут до леса, а там найти их будет непросто. Они не должны сбежать!

* * *

«Де Брюсу известно об этой тропе! – поняла Мелисанда. – Но он еще далеко, ему нужно проехать ущелье. Мы справимся. Мы должны справиться».

Она упрямо шла вперед, подгоняя Рудгера.

– Де Брюс хочет поймать нас! – крикнула девочка.

Они бегом поднялись по крутому склону, поддерживая Беату. Каждый шаг отдавался болью, Гертруда плакала. Остановившись на вершине, все, кроме Рудгера, были на пределе своих сил. Он оглянулся и посмотрел вниз, а потом протянул Мелисанде кинжал.

– Возьми. Когда я не смогу сражаться, это придется делать тебе.

– Но ты ведь пойдешь с нами, Рудгер?! Ты не можешь оставить нас здесь одних.

– Я прикрою ваше отступление. Линия обороны прорвана, бой идет вокруг телег. За нами погнались трое мужчин. Может быть, они нас поджидали, я не знаю. Я убью их, а потом догоню вас. Иди, сестренка. Мы непременно увидимся. Если не в этом мире, то на небесах.

Беата обняла сына, слезы лились по ее щекам. Рудгер высвободился из материнских объятий и мягко подтолкнул Беату вперед.

– Бегите скорее. Спасайтесь. Иначе все было зря.

* * *

Рудгер посмотрел вслед матери и сестрам, а затем встал на колени, сложил руки и начал молиться. Он услышал, как звякнуло оружие врага. Мужчины, поднимавшиеся по склону, тоже запыхались. Рудгер едва-едва приподнял веки, ровно настолько, чтобы увидеть противников. Он все еще молился.

Мужчины, тяжело дыша, остановились. Первый указал на Рудгера.

– Потрясающе. Он понял, что сейчас умрет, и просит Бога простить ему грехи.

Остальные рассмеялись, обнажив мечи. Рудгер подпустил их поближе, а потом молниеносно рванулся вперед. Он очутился между врагами, и те даже не успели понять, что происходит. Юноша обнажил меч и с разворота взрезал горло первому врагу. Тот с хрипом повалился на землю. Двое других отпрянули.

– Ах ты, мерзкая мелкая тварь! Да я тебя на куски разрублю! – крикнул один из противников.

Они в ярости набросились на юношу. Рудгеру удавалось парировать их удары, но он чувствовал, как силы покидают его. Враги оттеснили парня к кустам, но тут один из людей де Брюса споткнулся. Рудгер мгновенно воспользовался моментом: сделав выпад, он всадил врагу клинок в грудь. Однако лезвие застряло между пластинами доспеха. Парень поставил ногу на грудь врагу, потянул за рукоять и в этот миг почувствовал, как меч третьего противника вонзился ему в бок. Тогда он голой ладонью схватился за лезвие, удерживая его в своем теле, второй же рукой сумел высвободить свой меч и всадить врагу в бок.

Рудгер покачнулся. Он знал, что сейчас умрет, но в то же время понимал, что его смерть не будет напрасной. Мать и сестры наверняка успели уйти. И только это имело значение.

Юноша отпустил клинок врага и еще успел увидеть, как исказилось от боли лицо противника. А потом смерть забрала его.

* * *

Мелисанда, Беата и Гертруда бежали по открытой вершине холма к лесу. Деревья укроют их, защитят. Еще миг – и они очутились под спасительной сенью ветвей. Мелисанда, стараясь дышать помедленнее, прислушалась, но ничего, кроме шума крови у себя в голове, не услышала. И вдруг страх сковал ее тело: до слуха девочки донесся топот копыт. Де Брюс! Мелисанда крепче сжала рукоять клинка. Она защитит мать и сестру, пускай это и будет стоить ей жизни.

Отдохнув немного, Мелисанда потащила мать дальше. Та держалась за живот и плакала не переставая. А вот Гертруда утихла, ее глаза словно остекленели. Малышка двигалась машинально, точно тряпичная кукла.

А лес все не кончался, с ветки на ветку перелетали птицы, каркали вороны. В какой-то момент – Мелисанда утратила чувство времени – они выбрались на поляну. И замерли. В центре поляны стоял один из воинов де Брюса. Он сжимал в руке окровавленный меч. Меч Рудгера!

Мужчина двинулся им навстречу, взвешивая оружие на ладони.

– Ваш сын хорошо сражался, этого у него не отнять. Я не думал, что у Вильгельмиса может быть хоть толика отваги. Возможно, вас утешит мысль, что он погиб как настоящий воин. – Мужчина облизнул губы. – Жаль, что ваши дочери еще так малы, а вы беременны. Омерзительно. – Покачав головой, он усмехнулся. – С вами не позабавишься.

Мелисанде хотелось броситься на землю и больше никогда не вставать. Рудгер погиб! В это невозможно поверить. Невозможно! Рудгер был самым смелым и сильным воином в мире. Кроме папы, конечно. Наверное, этот человек лжет. Но почему же тогда у него меч Рудгера?

Какой-то звук отвлек девочку от горестных мыслей. Исполненный боли стон. Беата пошатнулась. Она едва держалась на ногах. Мелисанда подхватила ее. Так, нужно взять себя в руки. Нельзя сдаваться. Если не ради себя, то ради мамы, Гертруды, нерожденного ребенка.

Мелисанда глубоко вдохнула. Даже в такой ситуации нельзя утратить здравый смысл. Убийца Рудгера, должно быть, догнал их в лесу и устроил им засаду на этой поляне. А из-за густой листвы они не заметили его раньше. Но... почему он так странно разговаривает? Будто слишком много вина выпил.

А потом Мелисанда увидела, как из-под его куртки сочится кровь. Наверное, Рудгер ранил его. Что же делать? Напасть на врага? Нет. Похоже, он все еще полон сил. Ей нужно подпустить его поближе и всадить ему кинжал прямо в сердце. Это единственная возможность противостоять врагу.

– Вы жалкий трус! – дрожащим голосом воскликнула девочка. – Со сколькими людьми вы напали на моего брата? Вас, я уверена, было с десяток, не меньше, иначе он всех вас разделал бы в пух и прах. – Мелисанда ткнула себя пальцем в грудь. – А теперь вы собираетесь напасть на двух девчонок и беременную женщину. Bravo, благородный рыцарь! Вы делаете честь своему сословию.

Мужчина покраснел.

– Ах ты, мелкая дрянная чертовка, мерзкая тварь! Я вырежу ребенка из чрева твоей матери, твою сестру прибью гвоздями к дереву, а тебе вырву сердце и заставлю его съесть. – Он сделал пару шагов по направлению к ней и пошатнулся.

Глаза мужчины лихорадочно блестели, рука с мечом повисла плетью.

И Мелисанда приняла решение. Она рванулась вперед, прямо к нему, но в последний момент сделала крюк и увидела, с каким промедлением противник отреагировал на это. Враг с трудом поднял меч, но прежде чем он успел нанести удар, Мелисанда уже пронеслась мимо.

Девочка показала ему язык.

– Мой брат и тебя отправит в ад. Ты умрешь, трус! И Господь покарает тебя. Гореть тебе в геене огненной со всеми безбожниками, которые напали на нас. Молись за спасение своей души, молись!

Ее страх сменился безграничной яростью. Разбежавшись, девочка в прыжке всадила ему кинжал в грудь.словно сраженный молнией, рыцарь упал на землю, увлекая Мелисанду за собой.

Она перекатилась на бок, вскочила и побежала обратно, к матери и сестре. Беата, прислонившись к стволу дерева, сидела с закрытыми глазами. Женщина тяжело дышала. Гертруда, присевшая на корточки рядом с ней, тихо плакала.

– Нам нужно идти дальше, мама, – взмолилась Мелисанда.

Но Беата не двигалась. Затем ее веки затрепетали и она медленно открыла глаза. Слабая улыбка заиграла на ее губах, на лбу проступили капельки пота.

Она протянула руку. На ее пальцах была кровь.

– Мама... – Мелисанда лишилась дара речи.

Губы Беаты приоткрылись.

– В меня попали арбалетным болтом... Еще тогда, в повозке... – Она застонала.

Сердце Мелисанды сжалось от охватившего ее ужаса.

– Ты должна пообещать мне... – Женщина застонала. – Пообещай мне!..

Мелисанда молча кивнула.

– Убегай. Беги как можно скорее. Спаси свою сестру. Защити ее от этого чудовища.

Ты сделаешь это?

– Да, мама. Сделаю.

Мелисанда встала перед матерью на колени.

Беата кивнула.

– И еще кое-что, доченька. Ты должна пообещать мне еще кое-что. Ты должна поклясться мне... Поклясться жизнью...

Мелисанда сжала руку матери. Ладонь Беаты была холодной как лед.

– Оттмар де Брюс должен умереть. Пообещай мне, что ты не успокоишься, пока он не умрет. А ты... ты должна жить. Ты не должна погибнуть.

Мелисанда кивнула. У нее пересохло во рту, точно туда насыпали горсть песка.

– Обещаю, мама. Клянусь тебе. Богом клянусь. Де Брюс умрет. А я буду жить.

У Беаты не осталось сил даже на улыбку.

– Молодец, малышка. Мы еще увидимся. Я уже вижу врата рая. И они в точности такие, как говорил отец Никодимий. Свет, сколько света... – Голова Беаты поникла.

Мелисанда почувствовала, как ее тело охватывает дрожь, а потом в груди зародилась теплая волна, прокатившаяся по всему телу. Она дошла до ее головы, прочистила мысли. Гертруда. Нужно спасти сестру.

Мелисанда закрыла матери глаза, взяла Гертруду за руку и потащила прочь. Но девочка начала вырываться, пинать старшую сестру, кричать:

– Я не пойду с тобой! Я останусь здесь! Отпусти меня!

Мелисанда дрожащим от волнения голосом воскликнула:

– Гертруда, мама умерла! Тебе нельзя оставаться здесь. Нам нужно уходить. Скорее!

Но малышка продолжала отбиваться:

– Нет, нет, отпусти меня!

Мелисанда испуганно оглянулась. Пока все было тихо. Не слышно треска веток в подлеске, не видно блестящих доспехов врагов. Она осторожно погладила сестру по голове.

– Ты слышала, что сказала мама? – мягко спросила она. – Нам нужно идти дальше. А мама отдохнет и догонит нас. Нам нельзя оставаться здесь. Ты должна слушаться маму, ты же знаешь.

Гертруда подняла голову, посмотрела Мелисанде в глаза и кивнула. Потом она медленно, бесконечно медленно встала, в последний раз растерянно взглянула на мертвую мать и позволила Мелисанде увести себя.

Они быстро побежали через полянку. Влажная трава остудила натертые ноги.

Мелисанда вновь беспокойно оглянулась. На другой стороне поляны начинались густые заросли, там де Брюсу будет не так-то просто найти их. И ему придется спешиться. В такой чаще ни один всадник не проедет. Еще пара шагов – и они убегут.

Она слишком поздно услышала свист стрелы. Тельце Гертруды обмякло, и Мелисанда в ужасе посмотрела на нее. Сестренка упала в траву. Стрела, пробив ее худенькую спину, вонзилась в сердце.

А на другой стороне поляны Отмар де Брюс опустил лук. Он ловко спешился и встал рядом со своим черным скакуном, оперев руки в бока. А потом расхохотался.

Мелисанда прыгнула в заросли.

Смех де Брюса оборвался.

– Прячься-прячься, сучка. Ты что, думаешь, сможешь убежать от меня? Никто не посмеет тебе помочь, потому что тогда умрет сам. Род Вильгельмисов сегодня оборвется. Оборвется навсегда. Ты не хочешь выйти и сразиться со мной? Нет? Тогда смотри. Смотри, какой властью и силой я обладаю. Даже Господь не помешает мне воплотить мои намерения.

Он схватил мертвую Беату за подол платья и потащил ее в центр поляны. Там он бросил ее в траву, обнажил меч и вспорол женщине живот. Одним движением он достал младенца, а потом перерезал пуповину и поднял над головой окровавленное тельце. Ребенок пытался дышать, но его крик был очень слабым.

– Ну и где же твой Бог? Ни тебе молний, ни потопа. Ничего. Власть принадлежит тому, кто готов взять ее в свои руки. – Де Брюс уставился туда, где в подлеске спряталась Мелисанда. – Я дам тебе шанс. Ты храбрая девочка. Я видел, как ты зарезала этого идиота.

Он положил меч на землю и отошел на край поляны. Совершенно спокойно рыцарь взял стрелу, замахнулся и пригвоздил младенца к дереву. Тот даже не вскрикнул, только судороги прошли по его крохотному тельцу.

Де Брюс обернулся.

– Ну что, рыжая ведьма? Иди сюда! Я жду, пока ты возьмешь мой меч. Ты ведь хочешь убить меня, правда? Я убил твою сестру. И твоего младшего братика. Да, это был мальчик. Это был твой брат. – Он указал на дерево. – Разве это не ужасно? Он не был крещен! Твой брат умер некрещеным и поэтому не попадет на небо.

Мелисанду стошнило. Ее трясло, будто она все еще ехала в той ужасной телеге, подскакивавшей на каждом ухабе. Краем глаза она наблюдала за де Брюсом, который гордо, точно петух, вышагивал по поляне. У нее действительно был шанс, небольшой, но был. Стоило попробовать. Одноручный меч идеально подходил для ближнего боя. Она сумеет им орудовать. Мелисанда обещала матери, что спасет свою сестренку. И не сдержала слово. Но она пообещала матери кое-что еще. Она поклялась убить де Брюса. Нельзя подвести маму во второй раз. Да, ей представилась удачная возможность. К тому же вряд ли ей удастся еще когда-нибудь подобраться к нему настолько близко, когда он будет не вооружен. Девочка закрыла глаза и представила себе, как все будет: она выпрыгнет из кустов, помчится к мечу, подлетит к де Брюсу и выполнит финт перед тем, как добежит до него. Но ведь именно на

это он и рассчитывал. Он видел, как она только что провела этот обманный маневр. Значит, нужно будет притвориться, будто она собирается сделать финт, а потом всадить ему меч в горло. Забрало де Брюса было поднято, шея открыта, а доспех делал его неуклюжим.

– Что такое? Неужели ты так же труслива, как и твой отец? – крикнул де Брюс. – Ты видела, как он пытался сбежать? Хотел пробиться сквозь наши ряды со своими смехотворными наемничками и сбежать. Такие вы все, Вильгельмисы. Вы трусливые, жадные и слабые.

– Вы лжете! – Голос Мелисанды дрожал.

Де Брюс рассмеялся.

– Что ж, тогда докажи мне обратное, Мелисанда Вильгельмис!

Мелисанда поднялась на колени и сложила руки в молитвенном жесте. Ее охватило странное спокойствие. Что ей теперь терять?

– Господи, – произнесла девочка, – наверное, вскоре я войду в Царствие Твое. И повстречаю там мою семью. Прошу Тебя, прости мне все мои грехи и прими меня к Себе. Я надеюсь, Ты понимаешь, что я не могу оставить это чудовище в живых. Я принесла священную клятву и не имею права ее нарушить.

Мелисанда поцеловала крест, висевший у нее на груди на цепочке, медленно поднялась и уже хотела броситься в бой, но... не смогла. Кто-то схватил ее за пояс, чья-то рука зажала ей рот. Не успела девочка опомниться, как ее подняли и понесли прочь.

Незнакомец пробирался с ней сквозь заросли, а Мелисанда отчаянно отбивалась, пытаясь вырваться, но тщетно. Ее словно связали прочными путами, и она могла только брыкаться, пока кто-то нес ее, тихо ступая по мягкой лесной земле. Ветки били ей в лицо, стволы деревьев возникали и пропадали, Мелисанда слышала лишь хруст ветвей под ногами незнакомца и его тяжелое дыхание.

В какой-то момент Мелисанда сдалась. Сопrotивляться было бессмысленно – этот человек обладал невероятной силой. Но когда-нибудь он остановится, и будет лучше, если Мелисанда сумеет сохранить остатки сил и решимости.

Наконец его шаг замедлился и мужчина, запыхавшись, остановился.

Он поставил Мелисанду на землю, но руки не убрал.

– Тут мы пока что в безопасности, – буркнул он. Голос незнакомца был низким и очень хриплым.

Этот огромный, похожий на медведя человек унес ее от Оттмара де Брюса, словно тряпичную куклу. Он помешал ей убить графа. Но что ему нужно?

– Послушайте меня внимательно! – Незнакомец пристально посмотрел на Мелисанду.

Она видела его серовато-голубые глаза, кустистые брови.

Девочка кивнула.

– Сейчас я уберу руку от вашего рта. Вы обещаете мне не кричать?

Мелисанда опять кивнула.

– Хорошо. Я расцениваю этот ответ как «да».

Он медленно убрал руку. Девочка глубоко вдохнула, ожидая, что будет дальше. Она едва сдерживала страх.

– Вы воспитанная молодая девушка, и я полагаюсь на ваше слово. Сейчас я уберу вторую руку. Вы обещаете, что не станете убегать от меня?

Мелисанда, не медля ни секунды, кивнула. Какой смысл сопротивляться? Этот тип намного сильнее ее, и без оружия ей нечего ему противопоставить. Кроме того, Мелисанде почему-то казалось, что этот мужчина ей не враг. В первый момент она решила, что он один из солдат де Брюса, решивший разыграть какую-то свою карту. Но теперь в ее душу закрались сомнения. Ни один из прихвостней де Брюса не осмелился бы увести добычу из-под

носа своего господина и тем самым накликать на себя его гнев. К тому же незнакомец говорил приветливо, даже почтительно.

Когда он убрал вторую руку, у Мелисанды подогнулись колени и незнакомец поспешно подхватил ее.

– Как вы? – обеспокоенно спросил он. – Вы не ранены?

Мелисанда прислонилась к стволу дерева, закрыла глаза – они горели огнем – и провела ладонью по волосам. Заколку она потеряла.

– Со мной вы в безопасности, Мелисанда Вильгельмис. – Его слова, наполненные сочувствием, согревали, утешали, придавали мужества.

А потом Мелисанда испуганно вскинулась.

– Вы знаете мое имя?

Она удивленно посмотрела на своего спасителя. Угловатое лицо и голый череп показались ей смутно знакомыми. Она уже где-то видела его. Но где?

– Кто же в Эсслингене не знает вас? Да и вы, наверное, уже поняли, кто перед вами.

Мелисанда сглотнула. Она вспомнила, где видела этого человека. Всего раз в жизни.

Девочка инстинктивно отпрянула.

– Нет... – в ужасе прошептала она.

– Мне это нравится не больше, чем вам, Мелисанда. Бог возложил на меня тяжкое бремя, швырнув вас к моим ногам.

– Но... Но... Вы же... – Мелисанда запнулась.

– Я – городской палач Эсслингена. Да, это я.

Мелисанда чуть не вскрикнула от страха. Из всех горожан палач считался самым дурным человеком, кроме разве что еретиков и убийц. Она не знала его имени, но помнила, где он живет: прямо у внешней крепостной стены города, вдали от всех пристойных горожан. Городской совет выделил ему дом. Дом палача. Никто другой не смог бы жить там, дом был проклят, испорчен. Наверное, в нем царил чудовищная грязь. Мало того, что этот мужчина бил плетью прелюбодеев, отрубал руки ворами и вешал грешников. Под крышей своего дома он готовил из крови обезглавленных преступников колдовские зелья, а пальцы казненных продавал как амулеты для исцеления.

Мелисанду опять затрясло. Этот мужчина прикоснулся к ней. Девочку бросило в холод. Теперь она осквернена и ей никогда не очиститься.

Палач скрестил руки на груди.

– Думаете, я демон какой-то? Да, я прикоснулся к вам. Но если бы не я, вы сейчас были бы мертвы.

– Возможно, так было бы лучше, – пробормотала Мелисанда.

– Вот как? Если хотите, можете вернуться к де Брюсу. И он убьет вас... Так же, как он убил всю вашу семью.

– Мой отец еще жив!

Палач отвел глаза.

– Нет. Я сам видел, как он погиб. Погиб как герой, правда. Он сражался... Признаться, мне никогда прежде не доводилось видеть, чтобы воины так сражались. Он убил дюжину противников и многих ранил. Враг чуть не сдался. Вы можете гордиться своим отцом.

– Нет!

От горя и отчаяния Мелисанда чуть не потеряла сознание. Она вскочила, сжала кулаки и в полный голос крикнула:

– Нет!!!

Палач побледнел.

– Тихо, девочка! Вы накличете на нас солдат де Брюса.

Мелисанда испуганно зажала рот рукой. Она вспомнила отца, его улыбку. Вспомнила мать, ласковое прикосновение руки, когда она гладила ее по голове. Вспомнила брата и сестру и представила, как они машут ей, зовут, говорят, что они скоро, очень скоро встретятся.

Нужно выполнить то, что уготовано ей Господом, пусть для этого и придется принять помощь палача.

Девочка решительно посмотрела на своего спасителя.

– Как вас зовут?

– Раймунд Магнус.

– Вы не родственник Альберта Магнуса?

Впрочем, это невозможно. Альберт Магнус был великим ученым, чародеем. Он не мог быть из рода палачей.

– Кто бы это ни был, я никакого Альберта Магнуса не знаю. Моего отца звали Раймунд, как и отца его отца. У меня был брат, Томас, но он давно умер. В нашей семье нет никого по имени Альберт, я последний из своего рода.

– Альберт Магнус был великим человеком. – Мелисанда расправила плечи. – Мой прадед когда-то встречался с ним.

Раймунд махнул рукой.

– Тихо! – прошипел он.

Не говоря больше ни слова, он схватил Мелисанду за руку и потащил за собой.

Теперь и она слышала топот копыт и стук: всадники прорубали себе путь сквозь заросли. Они приближались с той стороны, где лес был не таким густым.

Мелисанда бежала рядом с Раймундом, словно ласка. В какой-то момент она попыталась вырваться, но Магнус крепко держал ее за руку.

– Не глупите! Знаете ли, не очень-то хочется, чтобы из-за вас мне перерезали глотку, – прошептал он, когда они остановились, чтобы отдышаться и прислушаться.

Мелисанда пристыженно опустила голову. Она вспотела, пот ручьем тек по ее спине. Топот затих. Может быть, преследователи сейчас тоже прислушиваются. Наверное, они уже догнали их и устроили засаду, чтобы поймать свою добычу.

– Это не дело для такого человека, как я, – простонал Раймунд Магнус. – Ну да ничего не поделаешь. Нам нужно бежать дальше. Мы почти на месте.

– Куда мы направляемся?

– Туда, где де Брюсу никогда нас не найти. Разве что он сам дьявол. А теперь пойдете.

Он перешел на легкий бег, но двигаться в таких густых зарослях было нелегко. Временами приходилось опускаться на четвереньки, чтобы проползти под упавшим деревом: недавно тут бушевала гроза, землю завалило ветками и деревьями, скошенными сильным ветром, точно сухие травинки. Да, продвигаться было трудно, но Мелисанда понимала, что преследователям хотя бы пришлось оставить лошадей. И все же они слышали, как люди де Брюса упорно идут по их следу.

У Мелисанды горели легкие, колело в боку, точно ее ранила стрела, но Раймунд неумолимо тянул ее дальше.

Лес стал реже, и мягкая почва сменилась камнями. Тут беглецы уже не оставляли следов. Мелисанда взглянула вперед.

Нет, это невозможно! Они зашли в тупик! Слева и справа возвышались скалы, а в конце долины путь преграждала каменная стена. Из этой ловушки не выбраться, а охотники вот-вот настигнут их и расстреляют из арбалетов, точно крольчат. Что...

Но прежде чем Мелисанда успела додумать эту мысль до конца, Раймунд потянул ее в сторону, схватился за один из валунов, и тот словно по волшебству откатился в сторону, открыв проем.

Еще миг – и они очутились в темном коридоре. Раймунд поставил камень на место, и теперь Мелисанда поняла, что волшебство тут ни при чем. Снаружи этот валун казался непоколебимой твердыней, но на самом деле был круглым, как колесо, и легко двигался в выбитом в земле желобке. Приложив немного усилий, его можно было откатить в сторону и протиснуться в пещеру. Послышался звук, похожий на скрежет задвигающегося засова, и Раймунд с облегчением вздохнул.

– Вот теперь мы можем немного отдохнуть.

Мелисанда ничего не видела. Все звуки внешнего мира исчезли.

Девочка медленно опустилась на землю и устроилась на каком-то уступе. Она слышала, как тяжело дышит Раймунд.

– Здесь мы в безопасности. Никто, кроме меня, а теперь и вас, не знает об этой пещере. Когда-то мой отец показал ее мне, а ему – его отец. Это наше укрытие. До сегодняшнего дня я им ни разу не пользовался. Но я часто прихожу сюда и забочусь о том, чтобы все было наготове. Сейчас я немного передохну и покину вас – мне нужно возвращаться в город. Кое-кто нуждается в моих услугах.

В темноте послышался стук огнива, во все стороны полетели искры, и в следующий миг вспыхнуло пламя. Загоревшийся факел осветил грубые черты палача.

– Вам нужно казнить кого-то?

Раймунд тихо засмеялся, но выражение его глаз не изменилось.

– Нет. Напротив. Если на то будет воля Божья, я спасу одному человеку жизнь. – Он сунул руку под накидку и вытащил пучок травы. – Видите?

Мелисанда кивнула. Сейчас она различала все вокруг, хотя цвета были немного приглушенными, с каким-то серым оттенком.

– Это листья мать-и-мачехи и тысячелистника. Я отправился собирать их в лес. Собственно, мне еще нужен тимьян. А он растет на поляне, где... – Мужчина прикусил нижнюю губу. – Вы знаете, чем хороши эти растения?

Мелисанда покачала головой.

– Ими можно снять нагноение. Мастер Генрих, пивовар, колол дрова и поранил ногу топором. Если я не помогу ему, он умрет или потеряет ногу.

– Вы... – Мелисанда нахмурилась. – Вы лечите людей? Как мастер-медикус?⁵ Вам это разрешено?

– Мне плевать на то, разрешено мне это или нет. Мастер Генрих умолял меня помочь. А лекарь, выхаживавший его, просто взял деньги и ничем не помог. Нога загноилась еще больше. Этот врачеватель заявил, что рана должна гноиться. Какая глупость! Гной – сок преисподней, и если не побороть его, то увидишь дьявола быстрее, чем прочитаешь «Отче наш».

Мелисанда перекрестилась. А потом, задрав подбородок, решительно произнесла:

– Неужели вы полагаете, что я останусь здесь? В одиночестве? В этой дыре? Я требую, чтобы вы незамедлительно отвели меня в ратушу Эсслингена к представителям городского совета, чтобы я могла выдвинуть обвинение против графа де Брюса. Он убил мою семью.

– Вы говорите как взрослая, это удивительно для вашего возраста. Но выдвинуть обвинение против де Брюса... Как вы собираетесь это сделать? У вас нет ни свидетелей, ни доказательств – ничего, что помогло бы вам обосновать обвинения. Жители Эсслингена считают, что на вашу семью напали разбойники, раубриттеры, которых тут так много. Вот и все.

– Вы – мой свидетель.

---

⁵ Мастер-медикус, в отличие от мастера-хирурга, получал медицинское образование и, пребывая на городской службе, врачевал только представителей высших сословий. Такой мастер лечил в первую очередь болезни внутренних органов и курировал деятельность городских аптекарей. Его услуги очень дорого стоили.

Раймунд задумчиво покачал головой.

– Нет, я не собираюсь класть голову на собственную плаху. Если бы я свидетельствовал против де Брюса, то он нашел бы с десяток человек, которые выдвинули бы мне встречные обвинения. И меня приговорили бы к смерти. Де Брюс – граф. Его власть велика. И вам придется смириться с тем, что это злодеяние сойдет ему с рук. А еще вы должны смириться с тем, что вас тоже больше нет. Вы мертвы. Как и ваша семья. Вам больше нельзя показываться в Эслингене. Прихвостни де Брюса сразу же схватят вас и довершат начатое. – Палач прищурился. – Несомненно, де Брюс назначил большую награду за вашу голову. Я мог бы выдать вас и забрать эти деньги себе. – Он сунул траву в карман и навис над Мелисандой. – Вообще-то, неплохая мысль. По крайней мере, так я от вас избавлюсь.

Девочка замерла от ужаса. Правой рукой она нащупала на полу пещеры камень, намереваясь в случае чего ударить им палача в висок. Она не знала, говорит он серьезно или шутит.

Раймунд отвернулся и пошел вглубь пещеры.

– Пойдемте, – позвал он. – Это, право же, не смешно. Если бы граф де Брюс заговорил со мной, я не сказал бы даже о том, как обстоят дела с погодой.

Мелисанда последовала за ним по узкому коридору. Отблески факела играли на каменных стенах, пугая летучих мышей. Магнусу приходилось пригибаться, чтобы не задеть головой потолок, Мелисанда же могла идти выпрямившись. Наконец они свернули направо – и перед ними открылась круглая пещера высотой в два человеческих роста.

Раймунд факелом поджег лампаду, и на стенах заплясали тени.

Мелисанда была потрясена, увидев стол, два табурета, соломенную лежанку, очаг, котелок над ним и бочку с водой.

– Вода чистая?

– Попробуйте. В глубине пещеры бьет родник.

Раймунд зачерпнул ковшом воды и протянул девочке.

Мелисанда сделала пару жадных глотков. Вода была великолепна на вкус.

Девочка задумалась. Да, ей посчастливилось выжить в этой бойне. Но она всегда будет помнить о данной клятве и заставит де Брюса заплатить за содеянное. Раймунд Магнус прав: ей нужно быть осторожной, тщательно все спланировать, а главное – остаться в живых.

– Я останусь здесь, пока все не поверят в то, что я умерла, – решила Мелисанда. Резким движением она вытащила из-под платья кошель и протянула Раймунду. – Вот, возьмите. Тут достаточно денег, чтобы хватило мне на пропитание.

Раймунд взвесил кошель на ладони, развязал его и присвистнул.

– Солидная сумма. Нам нужно сохранить эти деньги, чтобы вы воспользовались ими, когда придет время.

– Вы их не возьмете?

– Зачем? Я мог бы прожить на них долгое время, но что мне с того? Я все равно не смог бы покинуть город и начать новую жизнь, потому что и в другом селении люди не стали бы относиться ко мне с уважением. Скорее всего, за мной послали бы стражников, поймали и обвинили в воровстве. Откуда еще у меня взялось бы столько золота, если бы я его не украл? Нет, Мелисанда. Мое место – в Эслингене, в доме палача. Господь ясно дал мне это понять много лет назад, и я не откажусь от моего предназначения. Город платит за мои услуги, и платит хорошо. Я нужен людям.

Мелисанда не понимала этого человека. Он рисковал жизнью, чтобы спасти ее. А теперь отказывается от денег.

– Так почему же вы помогли мне?

– Потому что об этом меня просил Господь. Я уже сказал. Бог швырнул вас мне под ноги. Но теперь довольно разговоров. Мне нужно уходить. Мастер Генрих не должен уме-

реть. Он мой друг. Мой единственный друг, – с горечью добавил Раймунд. – Завтра я вернусь и принесу вам еды. До того времени вам придется потерпеть.

Он протянул ей сверток с хлебом.

– Спасибо, мастер Раймунд. Этого будет достаточно. Мне не хочется есть.

Палач уже собрался уходить, когда Мелисанда удержала его.

– Спасибо. Спасибо вам за помощь.

Девочка протянула ему руку, и палач с улыбкой пожал ее. В свете лампы глаза Раймунда, казалось, заблестели от выступивших слез. Впрочем, Мелисанде, наверное, это почувдилось.

– И не думайте о том, чтобы выбраться из пещеры, – предупредил он. – Второй вход далеко от ущелья, где на вас напали, но он всего в полумиле от городских ворот Эсслингена. А люди де Брюса уже ищут вас повсюду.

Затем он направился по коридору с другой стороны пещеры, и вскоре тьма поглотила его.

Мелисанда еще долго слышала эхо шагов. Потом издали донесся шорох и все затихло.

Вместе с тишиной, объявшей девочку, вернулись воспоминания об ужасах этого дня.

Лицо матери, искаженное болью, смертельная рана в ее боку... Гертруда, лежащая на земле с пробитым стрелой сердцем. Маленький братик, пригвожденный к дереву. Окровавленный меч, когда-то принадлежавший Рудгеру, ее чудесному брату, сражавшемуся так же отважно, как благородный рыцарь Гаван.

Мелисанда долго сидела, не двигаясь и слушая биение своего сердца и шум крови в ушах. Затем она улеглась на матрас – солома пахла свежестью и чистотой. Укрывшись одеялом, девочка закрыла глаза. Наверное, все это лишь сон. Чудовищный кошмар. И скоро она проснется. У нее болело горло, сводило желудок.

А потом Мелисанда заплакала.

Глава 2

Клятва

Ночь окутала землю тьмой, и Раймунд возблагодарил Бога за то, что луна не скрылась за тучами и освещала ему дорогу. Случались ночи, когда на улице не было видно ни зги, когда каждый шаг мог обернуться смертью.

До наступления тьмы он прятался в лесу, наблюдая за перемещением солдат де Брюса. Сейчас лес казался ему опасным, враждебным. Прежде такого не было. Мужчина вздрагивал от каждого шороха, когда осторожно переходил от одного овражка к другому.

Конечно, можно было остаться в пещере и подождать, пока не стухнут сумерки, но на это ему не хватило духу. Что ему делать с маленькой испуганной девочкой? Он не умел обращаться с детьми, а с детьми богачей – тем более. Кроме того, Раймунду вдруг стало страшно. Только в пещере он до конца осознал, какую опасность навлек на себя столь безрассудным поступком. Пойти против воли Отмара де Брюса – это же безумие какое-то! С таким же успехом можно было вызвать на честный бой самого дьявола.

Раймунд собирался отправиться в Эслинген, но решил перед этим проверить, не осталось ли в ущелье выживших. Он не мог просто так бросить их там, хотя мастер Генрих действительно нуждался в его помощи. Раньше ему часто удавалось спасти тех, кто был ранен во время боя, или хотя бы облегчить страдания умирающих – Раймунд дарил обреченным быстрю и легкую смерть, избавляя их от мук.

Медленно и осторожно он полз к ущелью, иногда останавливался, прислушивался, а затем двигался дальше. Ночной ветер доносил до него какие-то звуки: рычание, шорохи, вой. Спустившись пониже, он выбрал место, откуда открывался вид на все ущелье. Как оказалось, эти звуки издавали медведь и стая волков. Звери собрались у трупов. Медведь встал на задние лапы, скаля зубы и рыча. Волки прижимались к земле, их клыки блестели в лунном свете. Стая была напугана, но не собиралась спасаться бегством.

Раймунд невольно улыбнулся. Еды тут хватило бы на всех, но никто не мог насытиться, потому что соперники мешали друг другу. «Мы, люди, ничуть не лучше», – подумал Магнус.

Словно прочитав его мысли, звери разошлись по разным краям ущелья. Медведь впился зубами в мертвую лошадь, вырвал кусок мяса и принялся жевать, опасливо оглядываясь. Волки начали рвать тело наемника. Они глотали куски мертвечины, не жуя.

Раймунд оглянулся, высматривая выживших, но никого не обнаружил. Души этих несчастных будут страдать, блуждая в междумирье без надежды на спасение, – ведь их тела не были похоронены должным образом.

– Господи, – перекрестился Раймунд, – прими к себе праведников, а грешников отправь в ад.

Он уже собрался уходить, когда кое-что заметил. Волки собрались у кучки тел – там было десять или двенадцать павших. И все это были люди де Брюса. Магнус вспомнил битву: армия де Брюса состояла из наемников и его замковой стражи, лучших бойцов, преданных ему до конца. Он пересчитал погибших.

И вдруг понял: де Брюс приказал убить тех наемников, которые пережили бой. Так ему не нужно было платить им за услуги, к тому же теперь они не смогли бы свидетельствовать против него. Кроме того, с него снимались подозрения. Павших из стражи де Брюса тут не было. Его приспешники забрали тела своих людей, все их оружие и стрелы, уничтожив доказательства своего присутствия на поле боя. А убитых наемников они переодели, поэтому казалось, что это люди Фридриха фон Кроненбурга, зловещего раубриттера. На трупах были его знаки отличия, а по всему полю боя де Брюс приказал разбросать его же знамена. Жители Эслингена, конечно, поверят, что именно этот рыцарь, ставший разбойни-

ком, напал на караван купца. Может быть, они даже устроят охоту на его людей и в ярости сровняют Кроненбург, родовое имение Фридриха, с землей. Де Брюс, сделав козлом отпущения фон Кроненбурга, избавился еще от одного своего противника. Этот мерзавец действительно обладает талантом интригана. И все же де Брюс не добился своей главной цели: ему не удалось извести род Вильгельмисов. А все потому, что он, Раймунд Магнус, ничтожнейший из всех людей, палач, помешал самому бургграфу. При мысли об этом Раймунда на мгновение охватила радость, но затем его вновь сковал страх. Он вспомнил о своей накидке. Что, если де Брюс видел ее на поляне? Магнус не мог вернуться в город в таком виде.

Раймунд задумался. Сюда люди де Брюса больше не придут – слишком велика опасность, что их заметят, и тогда все обманные маневры потеряют смысл. Сейчас эта долина смерти была самым безопасным местом в округе.

С этой мыслью, теперь уже не колеблясь, Раймунд спустился в ущелье, сложил ветки и привычным ловким движением разжег костер. Волки и медведь недовольно отпрыгнули.

Когда пламя разгорелось, мужчина бросил свою накидку в огонь и с грустью смотрел, как она горит. Эта накидка сослужила ему добрую службу: он ходил в ней, когда хотел, чтобы его не узнали. Собственно, это было строго запрещено. По закону Раймунду полагалось надевать яркую одежду и зелено-красно-голубой платок всякий раз, когда он выходил из дома. Благодаря этому каждый встречный знал, с кем имеет дело, и мог позаботиться о том, чтобы случайно не коснуться палача. Но иногда Раймунд предпочитал, чтобы никто не мог его узнать. Людей в темных шерстяных накидках было много. Эту ему подарил монах-францисканец, которого Магнус избавил от зубной боли. Поэтому де Брюс мог принять его за монаха и предупредить своих людей, чтобы те задержали францисканца на подходе к городу.

Шерсть горела быстро, отблески костра играли на лицах мертвых, и казалось, будто несчастные все еще дергаются в агонии.

Когда погасла последняя искра, Раймунд поднялся. Тут ему делать больше нечего. Пусть другие позаботятся о телах, ему же нужно укрыться от де Брюса и не привлекать к себе внимания. Теперь перед ним стоит важная задача – защитить эту маленькую девочку. Правда, пока Магнус понятия не имел, как ему это сделать.

* * *

Кувшин упал на каменные плиты и разбился вдребезги. За ним полетел поднос, на пол посыпались жареные цыплята. Псы де Брюса с жадностью набросились на неожиданное угощение.

Эберхард фон Закинген втянул голову в плечи. При сложившихся обстоятельствах он больше ничего предпринять не мог. Если ему повезет, ярость его сюзерена угаснет так же быстро, как разгорелась.

– Зачем, во имя Бога Всемогущего, я держу вас на службе? Вы только тратите мое время и мои деньги! – бесновался де Брюс. – Не могла же эта мелкая тварь улететь!

Эберхард фон Закинген стоял перед графом, преклонив колено. Он осмелился чуть приподнять голову и взглянуть на де Брюса. Граф, скрестив руки на груди, сидел на своем роскошном троне, забросив ногу на подлокотник. Этому трону позавидовал бы иной король – он был высечен из мрамора и украшен затейливой лепкой, изображавшей сцены охоты и сражения из жизни де Брюса.

– Что такое, язык отсох? Или память потеряли? Почему эта жалкая крыса сбежала от целой толпы охотников?

Фон Закинген еще немного поднял голову. Де Брюс развалился на троне, точно пьяный крестьянин. Но это впечатление было обманчивым. В черных глазах де Брюса светился острый ум, ничто не могло укрыться от его внимания. И он был опасен. Эберхард фон Закинген

вспомнил, как его предшественник, норманн Фроде Хонуссен, точно так же стоял однажды перед де Брюсом на коленях. Граф обвинил его в том, что вассал ведет какие-то темные делишки на стороне. Конечно, Хонуссен отбросил эти обвинения. Более того, он заявил, что у де Брюса нет никаких доказательств и тот просто не хочет платить ему. Так была допущена роковая ошибка.

У де Брюса действительно не имелось доказательств, зато он великолепно умел обращаться с оружием. Де Брюс нанес удар так быстро, что даже закаленный в многочисленных битвах Хонуссен не успел ничего предпринять.

– Господин, – осторожно начал Эберхард фон Закинген. – Кто-то помог ей. Девчонка ни за что не смогла бы сбежать одна. Мы не нашли ее следов, зато видели на земле отпечатки ног какого-то мужчины. Видимо, он поднял девчонку на руки и унес. Еще мы нашли вот это... – Он протянул сюзерену серебряную заколку, которую Мелисанда потеряла в лесу.

Увидев, как де Брюс помрачнел, Эберхард фон Закинген затаил дыхание. Они много часов прочесывали лес, но на выходе из долины следы терялись, вокруг возвышались скалы, а на камнях следов не остается. Да, они перевернули каждый валун, искали пещеру, но там не было ничего, кроме голых серых склонов.

– Да, вы правы. – Голос де Брюса смягчился. Граф потер подбородок. – Я кое-что заметил в зарослях, когда девчонка там спряталась. Я уверен, что она собиралась выйти на поляну, но кто-то удержал ее. Я видел сутану монаха. Да. Это была монашеская накидка. – Де Брюс закрыл глаза, глубокая складка пролегла между его бровей. – Францисканец, – продолжил он. – Да, точно. Эти набожные святоши постоянно суют нос не в свое дело. Терпеть не могу это отродье.

Что ж, Эберхард фон Закинген готов был с легкостью в это поверить. Де Брюс стал бы лакомой добычей для любого инквизитора, а францисканцы были неумолимы в преследовании еретиков. Но де Брюс не был дураком. Он регулярно ходил на исповедь и не скупился на пожертвования, всегда давал приют в своем замке нищенствующим монахам, кормил их и обеспечивал припасами в дорогу. Кроме того, он построил на дороге, ведущей от замка к тракту, часовню, прославившуюся великолепной статуей Богоматери. Вот уже три года фон Закинген находился на службе у де Брюса, став вассалом графа, как только его произвели в рыцари. Граф забрал его к себе в замок и щедро платил за работу. До этой резни семейства Вильгельмисов фон Закингену не приходилось сталкиваться с какими-либо трудностями. Да, де Брюс был человеком суровым, часто несдержанным и несправедливым. Но кто из нобилитета⁶ не таков? И все же сегодня де Брюс предстал перед своим вассалом в неожиданном свете. В нем горела ненависть, чистая, яркая ненависть, способная испепелить все на своем пути. И это было опасно. Как для его людей, так и для него самого. Эта проклятая чертовка сбежала. Ну и что? Кому до этого дело? Она не могла выдвинуть обвинение де Брюсу, поскольку обратиться в суд имели право только люди его сословия – графы и герцоги. И обвинение должны были поддержать по меньшей мере семь благородных особ. Девчонке никогда не заручиться такой поддержкой, потому что большинство благородных придерживались тех же методов, что и де Брюс, дабы удержать власть в своих руках.

Зачем де Брюс вообще отпустил девочку? Что это за игры? Фон Закинген не знал. Он только знал, что детей нельзя недооценивать. Когда он подростком служил оруженосцем, его чуть не убил маленький мальчик. Отряд, в котором был тогда юный Эберхард, напал на деревню. Мальчик рыдал над телом матери, и фон Закинген опустил меч: он хотел пощадить ребенка, хотя это и противоречило всем доводам рассудка.

---

⁶ Нобилитет – средневековое дворянство, класс феодалов в целом. Термин охватывал разные слои дворянства: от королей до неимущих нобилей, которые вели полукрестьянский образ жизни. (Примеч. ред.)

Он опустился на колени, чтобы утешить мальчика. И ребенок всадил ему нож под ребра. Неглубоко, но достаточно, чтобы Эберхард мог умереть, если бы его рану вовремя не обработали. Он задушил мальчишку одной рукой и потерял сознание. Боевые товарищи нашли его и вывели, он выздоровел, но иногда ему хотелось, чтобы в тот день он погиб. Насмешки преследовали его, как стая голодных волков.

– Нам нужно оставаться настороже, – продолжил де Брюс. – Фон Закинген! Отправьте своих людей на поиски. Выставьте часовых вдоль всех дорог в Эсслинген. Отправьте патрули в лес. Сплетите сеть, и мы поймем дерзкую беглянку. Если кто-то спросит, говорите, что мы делаем все, что в наших силах, дабы найти единственную выжившую в резне в ущелье. Конечно, речь об этом можно вести только после того, как жители Эсслингена сами поймут, что девочки нет среди убитых. Вам все ясно?

Эберхард опустил голову.

– Как прикажете, господин.

Он уже собрался уходить, но де Брюс вскочил с трона и приказал ему остаться.

– Присаживайтесь, капитан. И простите мой грубый тон.

Фон Закинген, опешив, опустился на деревянный табурет.

Де Брюс опять уселся на трон, удобно устроившись на обитом медвежьим мехом сиденье. Опустив руку на плечо Эберхарда, он сказал:

– Вы мой лучший воин. Ваша победа над Вильгельмисом достойна уважения. Вы отправили этого мерзавца напрямиком в преисподнюю.

«Победить этого уставшего в бою человека было несложно», – подумал Эберхард. Он не захотел бы встретиться с Вильгельмисом в честном поединке, когда тот был полон сил. Купец пользовался какой-то странной техникой боя на мече и, возможно, был способен выйти даже против самого де Брюса. После целого часа сражения у него хватило сил убить двух наемников одним ударом.

– А с францисканцами нужно действовать осторожно, как вы понимаете, – вкрадчиво произнес де Брюс. – Вы в последнее время встречали в округе новых монахов?

– Сам я не встречал, господин, но мне рассказывали о францисканце, который остановился в Эсслингене. Говорят, он высокий и худощавый. Вашего возраста, господин.

– Вам известно, что ему тут нужно?

– Францисканцы хотят расширить монастырь в Эсслингене, построить крыло здания до Бочарного переулка. По слухам, тот монах привез аббату планы строительства. Еще говорят, что этим займется какой-то знаменитый зодчий. Кроме того, мне рассказывали, что францисканцы собираются устроить в городе суд инквизиции, чтобы освободить всю округу от еретиков.

Де Брюс сплюнул.

– Эти создания – худшие из тварей, населяющих нашу землю. Но что поделаешь, приходится мириться с их присутствием. Выясните, не связан ли этот слуга Господа с исчезновением девочки. Если так, пригласите его на глоток вина в наш винный погреб. Выберите самый темный, самый укромный уголок. И если он пропадет в пути, то это будет весьма прискорбно. Дело рук вальденсов⁷, несомненно.

– Да, господин.

Фон Закинген кивнул. Разделаться с францисканцем – приятная задача. А свалить вину на вальденсов – еще лучше. Вот уж настоящие еретики. Им, как и инквизиторам, место в преисподней.

– Отлично. Тогда за работу! Я жду от вас результатов.

Махнув рукой, де Брюс отпустил своего капитана стражи.

---

⁷ Вальденсы – религиозное течение в христианстве, предтеча протестантизма; они подвергались гонениям как еретики.

Фон Закинген широким шагом прошел по залу и вскоре очутился на мосту, соединявшем замок с небольшим плато, где сейчас велось строительство. Тут полным ходом шло сооружение новых крепостных стен. Давно пора. Замок в таком состоянии не смог бы долго выдерживать осаду, поскольку из всех строений только главное здание замка было в достаточной степени защищено. Де Брюс сразу понял это, когда отец Ульриха, Эберхард, представил ему в лен полуразрушенный замок Адлербург на горе неподалеку от селения Айха. Но тогда у де Брюса не было денег, чтобы восстановить замок.

Солнце за день разогрело замковые стены, и теперь от камней исходило приятное тепло. Фон Закинген снял доспехи и сбросил куртку, обнажив покрытый шрамами мускулистый торс. Он подошел к колодцу, достал ведро воды и вылил себе на голову, смывая пот, пыль и кровь врагов.

Какое-то время он наслаждался вечерней прохладой и легким ветерком, ласкавшим его кожу, затем оделся и прошел по круглой площадке диаметром около сотни шагов, где целый день кипела работа: площадку предстояло защитить стенами. Тут построят две сторожевые башни, ворота, ров, склад для зерна, арсенал, кузницу, конюшню и два свинарника. После строительства надежно будет защищен и источник, а значит, замок сможет выдержать долгую осаду. Голодать люди могли по несколько недель, но уже через три дня без воды любое сопротивление было бы сломлено: люди сходили с ума или умирали.

Люди фон Закингена развалились под каштаном, в лунном свете их лица казались белыми. При появлении капитана замковая стража вскочила на ноги.

– Нам нужно еще раз перевернуть каждый камень, посмотреть под каждым кустом, каждой травинкой. Мы выставим часовых. Будем расспрашивать людей. И не забывайте, что мы ищем Мелисанду Вильгельмис, чтобы спасти ее. Но об этом можно будет говорить только после того, когда новость о несчастье дойдет до Эсслингена. Нам нужно привести девочку к Отмару де Брюсу. Целой и невредимой. Вам понятно? Граф вне себя от ярости. Витикунд, ты сегодня руководишь поисками. Оставьте свои доспехи, щиты и тяжелое оружие. Вам надо быть быстрыми, чтобы поймать маленькую чертовку. – Фон Закинген угрожающе поднял палец. – И не смейте возвращаться, пока не найдете ее. Горе вам, если хоть волос упадет с ее головы. Возьмите провизии на неделю. Выступайте немедленно, ночь сегодня светлая. Солдаты, я на вас рассчитываю!

Стражники ударили кулаками по щитам.

Фон Закинген знал, что они приложат все усилия. Его подопечные были преданы ему и беспрекословно исполняли его приказы.

– Приведи мне моего коня! – велел он своему оруженосцу.

Мальчик поспешно подвел к нему двух лошадей.

– Я покачу один, – покачав головой, произнес Эберхард. – Мне нужно в Эсслинген. Послезавтра я присоединюсь к вам.

* * *

Мелисанда не знала, день сейчас или ночь. Она не знала, сколько времени прошло с тех пор, как палач оставил ее здесь. Не знала, вернется ли он. Может быть, Раймунд решил выдать ее. Или оставить тут умирать от голода.

Она так устала, что сразу провалилась в беспокойный сон, от которого несколько раз скидывалась в холодном поту, и тогда приходили воспоминания об ужасной битве. Но девочка больше не могла плакать. Боль притупилась, как и ненависть. Все чувства угасли, погребенные где-то в глубине души. Тело будто онемело, казалось тяжелым. Мелисанде хотелось солнца, свежего воздуха. Хотелось искупаться в реке.

Раймунд запретил ей выходить из пещеры. Но сколько еще ей ждать? Не могли же люди де Брюса искать ее вечно! Прошло так много времени. Несколько дней. Или недель. Нет, это невозможно, ей так только кажется.

Мелисанда набрала немного воды, сделала глоток и поняла, что она застоялась. Хлеб пах отвратительно, девочка поморщилась и бросила его в огонь. Перед ней лежал небольшой камешек с острыми краями. Она подняла его, сжала в руке, а потом изо всех сил швырнула в стену.

Раймунд – всего лишь палач. Глупый палач, который не умеет ни читать, ни писать. Почему она должна слушаться его? Ее родители погибли. Нет никого, кто мог бы ей указывать. Ненадолго выйти на солнце, вдохнуть свежего воздуха... Она не глупее де Брюса, никто ее не увидит, и, прежде чем палач вернется, она уже будет сидеть тут, у костра.

Мелисанда отправилась в путь. Она прошла по коридору, в котором скрылся Раймунд. Слабый свет костра падал туда, но уже через пару метров проход сворачивал налево. Мелисанду окружила тьма. Девочка медленно опустилась на четвереньки и поползла вперед. Она чувствовала себя грязной – и не только из-за того, что выпачкалась в грязи. Ей пришлось убить человека, его кровь была на ее одежде. А еще она коснулась палача... И она не смогла сдержать обещания, данного умирающей матери. Гертруда погибла. Все погибли.

Нужно сосредоточиться на пути, нельзя позволить отчаянию проникнуть в душу.

Упираясь правой рукой в землю, она ощупывала левой пол впереди себя, пытаясь найти преграды или выбоины. Если путь был свободен, Мелисанда подтягивала сначала одно колено, потом второе. Опереться – ощупать пол – подползти.

Мелисанда заставляла себя дышать размеренно. Она не боялась закрытых помещений. Напротив, дома она часто забиралась в сундуки или пыталась спрятаться за шкафом, который отец привез с севера. Это было странное сооружение: три сундука, поставленные друг на друга, с дверцами впереди и без крышки сверху. Однажды Мелисанда чуть не перевернула этот шкаф, чем так напугала маму, что та отпустила девочке пощечину. Щека потом горела целый день. О, сейчас Мелисанда многое отдала бы за то, чтобы получить взбучку от матери!

Девочка протянула руку вперед и застыла как громом пораженная. Она коснулась чего-то влажного и холодного. И оно шевелилось! Жаба? Ящерица?

Она слышала о живущих во тьме существах, исполнителях воли дьявола. Когда-то мастера-пекаря Кунца нашли мертвым, а на его груди сидела жирная жаба. Мастера похоронили, а над злобной жабой провели судебный процесс, приговорили ее к смерти и прилюдно повесили.

Мелисанда сделала глубокий вдох и осторожно поползла вперед, всматриваясь в темноту. Когда от напряжения у нее заболели глаза, она остановилась и зажмурилась. Постепенно боль в глазах утихла. «Нужно ползти, зажмурившись, – поняла девочка. – Все равно тут ничего не видно». Опереться – ощупать пол – подползти. Опереться – ощупать пол – подползти. Снова и снова. Спустя, казалось, вечность, Мелисанда добралась до конца туннеля. Она осторожно поднялась и принялась ощупывать камень, преграждавший ей путь. Вскоре она нашла засов, такой же, как и с другой стороны. Девочка открыла тайный проход, но сдвинуть с места камень было нелегко: вначале он не поддавался. Похоже, палач обладал сверхъестественной силой, раз сумел отодвинуть этот валун. Может быть, то, что о нем говорят люди, правда? Мелисанда поднатужилась, изо всех сил толкнула камень, и он сдвинулся. В пещеру хлынул лунный свет. Девочка просунула руки в образовавшийся проем. Она стояла в тени, ей не приходилось даже щуриться, чтобы привыкнуть к свету. В лицо пахло теплым свежим воздухом. Еще немного, совсем немного. Вскоре ей удалось отодвинуть камень настолько, что она смогла выбраться наружу. Глубоко вдохнув, она вернула камень на место, и он легко поддался. Мелисанда была свободна. Наконец-то.

Оглядевшись по сторонам, девочка обнаружила, что путь ей преграждают ветки: все вокруг было покрыто густым кустарником. Чтобы пробраться сквозь заросли, скрывавшие потайной вход в пещеру от любопытных взглядов, ей пришлось встать на четвереньки. Но затем она выпрямилась и, пройдя пару шагов, оказалась на краю обрыва. Внизу раскинулась долина, в водах Неккара отражалась луна, свежий летний ветерок пах цветами.

По щеке Мелисанды скатилась слеза: девочке вдруг открылась красота реки, луны, леса. Ее тело, душу, разум наполнила животворящая сила.

– Господи, Отец Небесный, ничто не может превзойти Твое творение. На все воля Твоя. Ты мой пастырь, не дай мне сбиться с пути. Твоя доброта безгранична, мудрость непостижима. Ты был всегда и будешь всегда. Дай мне сил и мудрости все сделать правильно. И передай моим близким, которых Ты забрал к себе, что все будет хорошо. – Мелисанда сама выдумала слова молитвы, и ей это понравилось. Молитва не походила на те, что она читала прежде.

Сев на землю и поджав ноги, она посмотрела вверх. Среди крон деревьев блестели звезды.

– Скажи мне, как поступить. Должна ли я убить Оттмара де Брюса, как хотела моя мама? Или мне послушать Раймунда? Или вообще сбежать из Эсслингена? Господи, прошу, подай мне знак!

Мелисанда принялась считать удары сердца. Она решила, что, если Господь не подаст ей знак до трехсотого удара, нужно будет сделать этот выбор самостоятельно.

Когда она досчитала до ста восьмидесяти шести, в пяти локтях от нее пробежал заяц. Заметив девочку, он остановился, встал на задние лапки и замер. А потом, будто что-то спугнуло его, помчался прочь, вниз по склону холма.

В тот же миг Мелисанда услышала крик. Ей почудилось, что это демон обрушился с неба, настолько огромна была ночная птица, больше самой Мелисанды. От ее крика у девочки волосы встали дыбом. Смертоносная птица обернулась совой – ее глаза горели желтым, как сера в преисподней, откуда она выбралась.

Да, это знак! Нужно было лишь разгадать эту загадку. Что же хотел сказать ей Всевышний? Заяц мог спастись, только спрятавшись в норе. Ему нужно было вернуться на вершину холма, где земля была ровной и его длинные лапы могли дать ему преимущество. Только так он сумеет спастись от врага. Спускаясь в долину, он обрекал себя на смерть. Как говорил Давид: «Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя»⁸.

О да, Мелисанда умела толковать знамения, ее учила этому мама. Девочка вздохнула. Господь говорил с ней ясно и отчетливо. Сегодня ночью она была этим зайцем, и ей нужно было скрыться от де Брюса и его приспешников, а потом, когда наступит время, стать посланником смерти, сбросить убийцу в ад.

Мелисанда почувствовала, как ее душу наполняют спокойствие и уверенность. Она была не одна. Господь говорил с нею.

Но что это?! Еще какой-то звук. Хруст ветки, фыркание.

Это не волк. И не медведь. Эти звуки издавал хищник страшнее – человек.

Нужно вернуться в пещеру!

Мелисанда поспешно проползла между кустами, встала и попыталась отодвинуть камень. Однако он не шелохнулся. Девочка в отчаянии прижалась к шероховатой поверхности валуна, пытаясь сдвинуть его своим весом, но ничего не получалось. Все ее усилия оказались тщетны. Ну почему она ничем не подперла камень? Впрочем, теперь думать об этом было поздно.

Если ей не повезет, то вскоре охотники увезут ее прочь, подстрелив, как зайца.

---

⁸ Цитата из Библии, дана в синодальном переводе (Псалтырь 120:1). (Примеч. пер.)

Хрустнула еще одна ветка. Шаги приближались. Слышался тихий звон оружия.

– Проклятая девчонка! Из-за этой дряни приходится таскаться тут по ночам, – ворчал один солдат.

– Да, я тоже предпочел бы завалиться в постельку с какой-нибудь бабенкой, чем лазить по кустам, – ответил другой.

Стража Отгмара де Брюса! Они искали ее!

– Господи, помоги мне! – беззвучно взмолилась Мелисанда.

Но на этот раз Господь не ответил ей. Как она могла быть такой легкомысленной? Как могла уйти из пещеры? Родители часто ругали ее за непослушание, говорили, как важно выполнять указания взрослых. Мелисанда не понимала этого, теперь же в полной мере осознала правоту родителей.

Девочка прислушалась. Наемники приближались. Ночь была очень теплой, но Мелисанду прошиб озноб. Бежать ей было некуда, она была одна, без оружия. Легкая добыча для головорезов де Брюса.

Где-то неподалеку прокричала сова, словно напоминая Мелисанде о ее глупости.

Девочка еще раз попыталась откатить камень, но он остался недвижим. Она подумала о зайце.

И тут вспомнила о втором входе в пещеру. Нужно его найти. Да, вход-то был в другом месте, а тут выход. Значит, там сдвинуть камень будет проще.

Мелисанда понятия не имела, в какую сторону ей следует идти. В пещере она полностью утратила ощущение пространства и направления. Девочка лихорадочно думала. Уходя с той полянки, они все время двигались на запад – солнце светило им в лицо. Да, они шли тогда к верхнему концу долины. Если найти ту полянку, она сориентируется. Мелисанде захотелось вскочить, побежать прочь. Но нужно было сохранять спокойствие.

Она прижалась к земле, сковырнула несколько комочков, вымазала себе лицо, чтобы оно не белело в лунном свете. Голоса становились все громче. Девочка затаилась в кустах и задержала дыхание. От услышанного у нее кровь застыла в жилах.

– Вот найдем девчонку, и я с ней позабавлюсь. Иначе де Брюс убьет ее, а нам останется только смотреть на это, – сказал первый солдат, говоривший немного с хрипотцой.

– Ты хочешь, чтобы граф отрезал твою драгоценнейшую часть тела и сунул тебе в рот? Девчонка нужна ему целой и невредимой. Кроме того, награду за нее отдадут только в том случае, если на ней не будет ни царапины. Ты слышал, что сказал фон Закинген? Если ты ее хоть пальцем тронешь, я тебя убью. Так я тебя хоть от кастрации спасу. Ну ты и осел, дружище.

Хрипун что-то проворчал в ответ, и Мелисанда не разобрала, согласился он со своим товарищем или нет. Впрочем, особого значения это не имело.

– Мы ее все равно не найдем, – сказал хрипун. – Можешь забыть о награде. Фон Закинген и не ждет от нас успешных поисков. В этих лесах можно спрятать целую армию, и ты ее не заметишь, пока тебе стрела в живот не вонзится.

Второй солдат заржал, как конь.

– Дурень ты, дурень. Ну конечно, мы ее найдем. Нужно только искать. Должна же она есть и пить. В одиночку она не протянет и пары дней. Фон Закинген объезжает все постоянные дворы в округе. Ей негде спрятаться. А теперь вперед. Давай, шевели задницей! На поляне часовые, в ущелье тоже. По всей долине часовые, там и мышь не проскочит. Она, считай, уже мертва.

Мелисанде хотелось закопаться в землю и больше никогда света белого не видеть. Ночь была теплой, но от земли исходил холод, и девочка почувствовала, что замерзла. От страха, отчаяния и слабости Мелисанда дрожала всем телом. А потом случилось непредвиденное: ей мучительно захотелось чихнуть. Мелисанда сдавила нос указательным и большим паль-

цем и задержала дыхание. Но природу не обманешь. В следующее мгновение тишина ночи огласилась громогласным чихом.

* * *

Раймунд Магнус спокойно добрался до Эсслингена. Дорогу ему освещала луна. В лесу он никого не повстречал и благодарил за это Бога. Даже без накидки францисканца он не хотел бы попасться в лапы молодчиков де Брюса. Серели предрассветные сумерки, вскоре над крышами Эсслингена взойдет солнце и жители города будут изнывать от мучительного зноя. Несколько колодцев в городе уже пересохли, а жара все не спадала.

Перед Раймундом возвышались юго-восточные ворота Эсслингена, к ним направлялись все, кто собирался переправиться через Неккар. Ворота защищали мост Плинзау, ведущий в основную часть города, и хорошо охранялись. В этот ранний час они, конечно, были еще закрыты.

Раймунд подошел поближе, и его тут же окликнули:

– Стой! Кто идет?

Хотя луна светила довольно ярко, Раймунд не смог разглядеть лицо стражника, зато узнал его по голосу. Это был Клаус, юноша из Бойтау, северной части города, раскинувшейся у замка. Мимо Клауса и мышь не прошьмыгнет. Разве что у этой мыши будет при себе крепко набитый кошель. У Раймунда денег на подкуп стражника не было, зато он мог войти в любые ворота Эсслингена, когда его душе заблагорассудится: у палача имелась подорожная от городского совета, позволявшая ему выходить из города во всякое время дня и ночи. В конце концов, по роду службы ему приходилось собирать различные целебные травы, а некоторые из них можно было собирать только в полнолуние, иначе приготовленные из них отвары не действовали.

– Это я, мастер-палач. Как ваши дела, драгоценный господин Клаус? – Раймунд ухмыльнулся.

Бедный Клаус! Хоть бы он не очень испугался. Встретить палача ночью – событие не из радостных. Кара Божья, да и только. Что чирей на мягком месте.

– Слава Богу. Ничто меня не беспокоило, пока не пришлось ради вас открывать ворота. Почему бы вам не побыть до рассвета в лесу?

– Действительно, почему бы и нет? Тогда у меня было бы много времени, чтобы поразмыслить, не навести ли на вас порчу.

– Ладно-ладно. – Клаус повернулся к другим стражникам: – Открыть ворота!

Ругаясь и ворча, стражники принялись снимать с ворот тяжелые засовы. Затем они приоткрыли левую створку, впуская Раймунда в город.

– Спасибо, господа. Обещаю вам быструю и безболезненную смерть, если когда-нибудь попадете ко мне на плаху.

Стражники перекрестились, а Клаус в сердцах сплюнул.

Раймунд торопливо пошел дальше. Перед мостом Плинзау протянулся одноименный квартал города. Тут в крошечных хижинах жили бедняки. Слева от ворот, за мостом, раскинулся конный рынок, а за ним, рядом с крепостной стеной, стоял дом палача. Неподалеку жили и его подручные. Но сегодня путь вел Раймунда не домой.

Палач без промедления пересек мост – там тоже были ворота, однако они закрывались только в военное время. Неподалеку от городской бани ему повстречался стражник, но тот предпочел не обращать внимания на раннего прохожего. Аромат мыла и эфирных масел, доносившийся из бани, перебивал вонь загрязненной сточными водами реки. Раймунду очень хотелось бы понежиться в баньке, но это было невозможно. После его визита

к работавшим там красавицам-банщицам здание пришлось бы снести или предоставить палачу в исключительное пользование.

Раймунд шел к мастеру Генриху. Пару лет назад пивовар купил роскошный особняк – такими обычно владели только люди благородного происхождения. Дела у Генриха шли отлично, он варил великолепное пиво, которое хорошо продавалось не только в Эсслингене, но и за его пределами. В особняке, построенном из камня, имелось пять этажей, а стены были толщиной футов восемь. По сути, это строение представляло собой башню, из него можно было отразить атаку целой армии штутгартцев. Но от гангрены в ноге Генриха мог спасти только один человек – палач, которому никто не подавал руки.

Раймунд свернул на улицу Молочников.

Мастер Антон, плотник, громко бранил своих подмастерьев:

– И это вы называете работой? Да вы посмотрите на этот раствор, лентяи! В нем же комки! А солома вообще сухая! Мне нужно вас всех взащей гнать, бездельники! Ну-ка поднажмите, а то об оплате придется забыть!

Нерадивые работники втянули головы в плечи и принялись энергичнее мешать раствор. Мастер Антон приказал установить факелы: он опаздывал с выполнением заказа и потому работал даже ночью. Сейчас его подопечные замешивали глину для нового фахверкового здания, а для такой работы дневной свет не требовался. Люди устали, но мастер Антон все равно подгонял их.

На этой и других улицах постепенно появлялись новые дома или перестраивались старые. Эсслинген процветал. Раймунду тоже не приходилось жаловаться на нехватку работы: вместе с богатством в Эсслинген пришли и искатели легкой наживы и бандиты. Вот и сегодня вечером ему нужно будет сходить к Шелькопфскую башню, в которой находилась городская тюрьма: стражники задержали какого-то мужчину, обвиненного в воровстве. Якобы он украл мешок муки. Пока что вор не промолвил и слова, но Раймунд не сомневался, что ему не понадобится много времени, чтобы развязать воришке язык.

Он свернул направо, в Соломенный переулок, и вскоре подошел к башне у переулка Босых.

Магнус подал условный знак: три коротких и три долгих стука в дверь. В прочных воротах сразу открылось смотровое окошко, и Раймунд увидел Гильтруду, служанку Генриха. Загрохотал засов, и Раймунд очутился в прохладном коридоре. Тут вкусно пахло копченым мясом, так что у Раймунда едва не потекли слюнки. В животе заурчало. Он со вчерашнего дня ничего не ел.

Гильтруда ничего не сказала, только молча указала на лестницу.

Раймунд поднялся на верхний этаж, где находилась спальня мастера Генриха. У кровати больного стояла темноволосая женщина, супруга Генриха Матильда, которая была намного младше своего мужа. Увидев палача, она побледнела и поспешно перекрестилась.

Мастер Генрих всплеснул руками.

– Прекрати, женщина! Проклятье, он же пришел сюда не для того, чтобы отрубить мне голову!

Матильда перекрестилась еще раз.

– Господи, помоги мне в час беды...

Отмахнувшись от нее, Генрих обратился к своему гостю:

– Проходите, Раймунд Магнус. Не обращайтесь внимания на мою жену. Вы пришли поздно, но я с нетерпением ждал вас. И я ценю то, что ради меня вы не ложились спать этой ночью. Надеюсь, вы собрали нужные травы, чтобы поставить меня, старого осла, на ноги.

– Тут все, что мне нужно. – Раймунд показал ему сверток. – Спасибо за ваше гостеприимство, мастер Генрих.

Он вежливо кивнул Матильде, но та в ответ лишь продолжила молиться.

Больной со стоном сел в постели.

– Жена, принеси пива. Темного, да покрепче. Оно нам понадобится, не так ли?

Раймунд кивнул.

– И принесите кипяток, чистую льняную ткань и полкружки крепкого вина. Кроме того, мне понадобится мыло.

– Слышала, жена? Поторопись. Или хочешь похоронить меня уже сегодня?

– Боже мой, нет! – Матильда вот уже в который раз перекрестилась. – Я быстро.

И она выбежала из комнаты.

Раймунд развернул сверток, достал ступку и пестик и принялся толочь собранные травы в кашницу. По комнате распространился горьковатый аромат. Кроме кровати тут стояли только сундук и стул, но на стенах висели ковры – знак того, что владелец дома был человеком весьма зажиточным.

– Если бы я знал, что Матильда набожнее монашек-бегинок, францисканок и доминиканок, набожнее любого босоногого монаха⁹, я бы не торопился с женитьбой. Но она у меня красавица и, хотя не оставляет четки даже в постели, от исполнения супружеского долга не отказывается. Только вот крестится все время... – Запнувшись, Генрих закрыл глаза и сморщился от боли. Какое-то время он молчал, стиснув зубы, а потом тяжело вздохнул. – Даже в постели крестится, да так быстро, что я и пальцем пошевелить не успеваю. А это что-то да значит. Надеюсь, мои усилия не пропадут даром и она вскоре понесет. Проклятье! – Он схватился за ногу, но Раймунд оттолкнул его руку.

– Вы у меня еще попрыгаете, мастер Генрих. Если на то будет воля Божья.

Пивовар скривился в гримасе, давая Раймунду понять, что у Господа вполне могут быть причины помучить его подольше.

– Давайте посмотрим. – Магнус развернул грязную заскорузлую повязку и бросил ее на пол.

Рана растянулась от середины икры до колена.

– Вы хотели отрубить себе ногу?

– Проклятое топорище сломалось, а я только топор заточил. Он мне в ногу вошел, как нож в масло. Вначале я не почувствовал боли и...

– И вы затянули рану грязной тряпкой, – закончил за него Раймунд.

Мастер Генрих кивнул.

– На следующее утро поболело немного и прошло. Но через пару часов боль вернулась, и я уж подумал, что умру. А потом боль опять отступила. Вот так, приступами, и болит. Иногда я едва чувствую ногу, а иногда будто кузнец меня молотом бьет, словно не нога у меня, а наковальня.

– А мастер-хирург¹⁰ сказал вам, что рана должна гноиться, – с горечью произнес Раймунд. – И не просто сказал, а еще и плату с вас потребовал. Хотя с тем же успехом мог бы сразу везти вас на кладбище. Вам еще повезло, Господь благоволит к вам. Я видел людей, которые после такого ранения умирали уже на следующий день. Особенно если неправильно обработали рану, как вы. Гной – сок дьявола, он сжирает тело изнутри, убивая человека.

Прибежала жена Генриха, а за ней – служанка. Раймунд взял у нее кружку пива и передал больному, а потом и сам выпил. Ему сразу стало лучше. Затем он полил рану вином. Генрих дернулся.

– Сейчас будет больно. Вы готовы?

---

⁹ Босоногие монахи вели крайне аскетическую жизнь, не носили обувь вовсе или использовали только сандалии. Такие аскеты могли быть представителями различных монашеских орденов.

¹⁰ Мастер-хирург – городской врачеватель, готовивший целебные мази, порошки и настойки, вскрывавший гнойники, вправлявший вывихи, накладывавший шины на сломанные кости и т. п. Как правило, мастера-хирурги состояли в той же гильдии, что и цирюльники.

Мрачно кивнув, пивовар сунул в рот деревяшку.

– Ну уж точно не хуже, чем удар штутгартским мечом, – пробормотал он.

Раймунд взял нож, окунул его в кипяток, потом в вино. Быстрым движением он сделал четыре надреза, очистив края раны. Больной застонал.

Чистой тряпкой, смоченной вином, Магнус вытер желтый гной, сочившийся из раны, проверил кашицу из травы, удовлетворенно кивнул и смазал ею рану. Затем Раймунд положил сверху компресс из пропитанной вином тряпицы и крепко перевязал ногу, чтобы края раны сошлись.

У мастера Генриха выступил пот на лбу. Его жена молилась, перебирая четки. Ее пальцы двигались быстро-быстро.

Раймунд осмотрел результат своего труда, вновь кивнул, сложил руки и произнес молитву:

– Господи, Ты решаешь, кому жить, а кому умереть. Прости своего недостойного раба, что действует из любви к ближнему своему и не ставит Твое решение под сомнение. Дай мастеру Генриху выжить или забери его в Царствие Твое. Аминь.

Пациенту эта молитва явно не понравилась: он поморщился и помотал головой. Матильда же замолчала и, испугавшись такого своего поведения, продолжила молиться.

– Обращайте внимание на ощущения в ноге, – сказал Раймунд. – За день боль должна пройти, останется только легкое покалывание. Я зайду к вам завтра. Если повезет, то Господь не призовет вас к себе.

– Очень надеюсь на это. – Выплюнув деревяшку, мастер Генрих криво улыбнулся и откинулся на подушку. – Жена, принеси мне пива. Если сегодня мне доведется предстать перед Господом, я хочу быть в отличном расположении духа.

Матильда, в последний раз перекрестившись, сошла вниз по лестнице.

Мастер Генрих повернулся к Раймунду и вытащил из-под подушки золотую монету.

– Благодарю вас. Возьмите. Вы это заслужили.

Монета поблескивала на мозолистой ладони Генриха. Целое состояние.

– Вы сами знаете, что это слишком много.

Генрих улыбнулся. Его лицо покраснелось от лихорадки.

– Раймунд, вы вгоняете меня в краску. Как иначе мне отплатить вам? Не будьте дураком. Берите. Вам эти деньги когда-нибудь понадобятся.

Подумав немного, Магнус взял монету.

– Я отложу ее на будущее.

Мастер Генрих улыбнулся.

– Это правильно.

Раймунд поправил подушку и уложил своего пациента поудобнее. Пивовар закрыл глаза и мгновенно уснул.

В комнату вошла Матильда. Увидев, что муж спит, она поставила кружку с пивом рядом с кроватью.

Раймунд попытался перехватить ее взгляд, но женщина опустила голову. Генрих говорил правду: она была очень красива. Не худая, но и не толстушка, личико как у ангела, хотя и чересчур бледное. Но в этой хорошенькой головке каждый день шла борьба между долгом перед своим супругом и набожностью. Собственно, по словам Генриха, она хотела пойти в монастырь, но отец пожелал выдать ее замуж, и она не стала противиться его воле.

Вздыхнув, Раймунд собрал свои вещи, прихватив все, к чему прикасался голыми руками, и молча вышел из комнаты.

* * *

Громкий звук пронзил тишину леса. Мелисанда замерла. Она готова была сорваться с места, перебежать в другое укрытие.

Один из мужчин повернул голову в ее сторону.

«Ну же, вперед! – подумала Мелисанда. – Вставай, беги, беги!»

Но тело отказывалось ей служить.

Солдат, который говорил не так хрипло, зажал нос.

– Ах ты свинья! – фыркнул он, подтрунивая над товарищем.

– Это не я! – возмутился хрипун.

– Ну конечно, ты. Ты постоянно так делаешь. Ты даже в воде газы пускаешь.

– Но на этот раз это был не я! Честно. Ты же знаешь, я никогда не отрицаю, если что...

Но его приятель, почесывая промежность, только отмахнулся.

Мелисанда ушам своим не поверила. Солдаты так напились, что не отличали один звук от другого. Они вообще не подумали, что тут может быть кто-то еще. Но опасность пока не миновала. Кто-то из них мог догадаться, что означает этот звук.

Мелисанда, затаившись, ждала, и только сердце громко стучало у нее в груди. Она надеялась, что стражники вспомнят о своем задании и уйдут. Не могли же они оставаться тут вечно.

Уже забрезжил рассвет. Скоро солнце осветит укрытие Мелисанды и ее заметят.

Но оба стражника стояли на месте как вкопанные. Мелисанда не только их видела, но и чуяла исходящий от них запах. Они воняли, как свиньи. Неудивительно, что они не могли отличить газы от запаха тела. Это обстоятельство ее и спасло. И если раньше девочку мучило острое желание чихнуть, то теперь она сдерживала смех. Газы, которые никто так и не пустил, спасли ей жизнь! Мелисанде пришлось прикусить язык, чтобы не расхохотаться.

Наконец стражники сдвинулись с места. Хрипун поправил лук, второй солдат осмотрел свой меч.

«Мой брат легко бы с ними справился», – подумала Мелисанда, и ей стало не до смеха. На глаза навернулись слезы, но девочка сумела взять себя в руки.

– За эту мелкую дрянь де Брюс обещал пять фунтов геллеров, – продолжил разговор лучник. – За такие деньги и поработать не грех. Но деньги дадут, только если привести ее целехонькой.

– Ну вот видишь. – Второй солдат сунул меч в ножны и упер руки в бока. – Наконец-то ты понял. Хоть немного мозгов в башке твоей дырявой осталось. Пойдем, нечего тут торчать.

– Да, но сначала нужно выпить.

Послышался плеск, скрипнула пробка бурдюка, и вино полилось в глотку солдата.

– Проклятье, а хорошее вино. Жаль, что так мало.

– Хватит болтать, давай сюда. – Мечник протянул руку за бурдюком.

Но лучник отступил на шаг и расхохотался.

– Что, перехотелось меня дурнем обзывать? Скажи «пожалуйста», и я еще подумаю, дать тебе вино или нет.

– Как это?

Ловким движением мечник вырвал у товарища бурдюк, а второй рукой выхватил нож и приставил к его горлу. Не сводя глаз с приятеля, он выпил все до последней капли. Только после этого он вернул лучнику бурдюк и убрал нож.

– В следующий раз не станешь рассусоливать, ясенько?

Повесив бурдюк на пояс, лучник медленно повернулся к приятелю спиной. Тот довольно ухмыльнулся и последовал за оскорбленным товарищем. Вскоре их шаги затихли.

Мелисанда глубоко вздохнула. Еще никогда в жизни она так не уставала. Девочка все еще лежала на земле, прислушиваясь к ночным звукам. Запах чернозема успокаивал, хотелось просто закрыть глаза и больше ничего не видеть, не слышать, не чувствовать. А еще ей хотелось кричать. Кричать, кричать, кричать. Спать и кричать. Одновременно. Но ни того, ни другого делать было нельзя. Пока что. Заяц и сова. Этой ночью знамение прочно запечатлелось в ее душе.

Девочка на четвереньках выползла из кустов и проверила, не угрожает ли ей опасность. Но вокруг никого не было. Не хрустнула ни одна ветка, вонь солдат больше не портила предрассветный воздух. Подул легкий ветерок, ночные звери умолкли. Мелисанда встала, подняла правую руку и повторила свою клятву. Затем девочка бросилась бежать.

* * *

Раймунд остановился неподалеку от бани. Из церквей, расположенных на разных улицах города, доносился колокольный звон, собирая горожан на лауды¹¹. Сейчас монахи просыпались, обращаясь к Господу: «Дай уста, Господь, чтоб воспеть я смог красоту Твою». Иногда Раймунд подходил к какой-нибудь из церквей и украдкой слушал молитву монахов и священников: ему нельзя было входить в храм. Только по воскресеньям палачу разрешалось ходить на мессу в городскую церковь Священномученика Дионисия, где ему отводилось место в нише у входа, – там никто не мог случайно прикоснуться к нему. Раймунд невольно задумался о Мелисанде. Что теперь будет с девочкой? Она была умницей. Сильная, сообразительная, хорошенькая. Как Эслин, его любимая супруга. Он потерял Эслин такой же летней ночью, как эта. Семь лет назад. Она покинула его и забрала его первенца. А он ничего не мог поделать. Казалось, крики Эслин не давали взойти солнцу, не пели птицы, глухо звенел колокол к заутрене. Эслин истекла кровью у него на руках. И только один человек в городе помог ему – мастер Генрих. Никто ничего не узнал об этом, иначе пивовара вышвырнули бы из гильдии. Генрих галопом помчался в Беркхайм, по полям Фильдерна, ночью, чтобы привезти оттуда повитуху, – повитуха из Эсслингена отказалась принимать роды. Но когда Генрих привез старушку, было слишком поздно. Эслин уже умерла, как умер и их сын, которого она рожала в таких муках.

На следующее утро Раймунд спросил мастера Генриха, почему тот помог ему и решил иметь дело с таким, как он. И Генрих ответил:

– Раймунд, так завещал нам Господь. Христос сказал: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне. Истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне»¹². Почитайте Библию.

Раймунд только покачал головой.

– Я едва умею читать и писать. И не понимаю латинский язык.

Тогда мастер Генрих загадочно улыбнулся. А через пару дней пригласил Раймунда к себе домой. Там он отвел Магнуса в тайный кабинет и показал ему свою Библию – собрание книг, свитков и документов. И все они были написаны не на латыни, а на немецком.

– Один францисканец из герцогства Австрия перевел Священное Писание на наш язык, – объяснил мастер Генрих. – Никто не знает, как его звали, и только посвященным известно о его работе. Эти записи – самое дорогое, что у меня есть. Истинное слово Божье. Во всем мире нет ничего мудрее. А церковники лгут нам, вам известно об этом?

Раймунд перекрестился, потрясенно глядя на Генриха. Тот же рассмеялся и показал ему книгу.

---

¹¹ Лауды – вторая служба в церкви в западном богослужении, совершается на рассвете.

¹² Цитата дана в синодальном переводе, Евангелие от Матфея 25:39–45. (Примеч. пер.)

– Я буду читать вам. Каждую неделю по паре страниц, когда у нас найдется свободное время. И если после этого вы не согласитесь со мной, я образумлюсь.

Мастер Генрих оказался прав. Слова Библии были самым прекрасным, что Раймунду когда-либо доводилось слышать. Они утешали. Дарили надежду. Говорили о любви и истине.

Когда Генрих пару недель спустя прочел последнюю строку, Раймунд задумался о том, как некоторые люди могут не верить в Бога. Он сидел рядом с Генрихом, уставившись на стену, и думал, думал, думал. Он не мог понять, почему Господь не карает тех, кто искажает слово Его.

Скрип колес и фыркание лошадей вернули Раймунда к реальности. Взошло солнце, позолотив лучами крыши домов. Как быстро наступил день! Теперь ворота были открыты и он мог выбраться из города и навестить Мелисанду. Но перед этим еще предстояло поработать. Его подмастерья ждали указаний. Нужно было отправить их в нижний Бойтау убрать с улицы дохлую лошадь и двух собак. Им понадобятся повозка, тросы и инструменты. Пожалуй, с лошади еще можно будет содрать шкуру. Это принесет Раймунду пару пфеннигов. Палач торопливо перешел через мост. Город постепенно просыпался. Из печных труб поднимался дымок, по улицам угрюмо сновали невыспавшиеся горожане. От некоторых несло похуже, чем от мертвечины, которую собирали подручные Раймунда. Спешили на рынок крестьянки, тащившие корзинки с яйцами, фруктами и овощами. Многие прохожие настолько погрузились в собственные мысли, что не замечали Раймунда, а если и узнавали его, то отводили глаза. У ворот перед мостом образовалась пробка из повозок, телег, людей и животных. Желающих пройти было так много, что стражник пропускал их по нескольку, чтобы движение по узкому мосту не застопорилось, вызвав панику.

Но когда к мосту подошел Раймунд, толпа удивительным образом расступилась, давая ему пройти, и палачу не пришлось медлить перед мостом или воротами.

Подручные сидели перед своим домиком, но вскочили, едва заметив Раймунда.

– В Бойтау вас ждет работа, – сообщил он. – Кляча и пара собак. Разберитесь с ними и начинайте чистить уборные. Ну же, поторапливайтесь!

Когда они ушли, Магнус зашел в свой дом. Из сундука он вытащил грязную белую котту¹³ и темную накидку с капюшоном, какую обычно носят крестьяне.

Сложив все это, он перевязал сверток поясом. Прежде чем выйти из дома, Раймунд убедился в том, что вокруг никого нет, и только тогда отправился в путь.

Никем не замеченный, Магнус покинул город. Пройдя по тракту в сторону Штутгарта, он свернул в кусты, развязал сверток и переоделся. Теперь никто не обратит на него внимания – сейчас на полях Фильдерна трудилось много крестьян.

В лесу царила приятная прохлада. Спокойно добравшись до кривого дуба, служившего ему указателем, палач свернул с тропинки. До ущелья было довольно далеко, но Магнус понимал, что люди де Брюса рыскают тут в поисках своей добычи, и потому последний отрезок пути преодолел на корточках. Старый трюк. Так он мог быть незаметным и в любой момент вскочить, чтобы вступить в бой. К тому же ему легче было обзреть окрестности, чем если бы он двигался на четвереньках или змеей полз в траве. Без каких-либо помех Раймунд добрался до кустарника, скрывавшего вход в пещеру. Он уже хотел выпрямиться, когда замер на месте. Обломанные ветки. Свежие. Конечно, тут мог пройти и какой-нибудь ночной зверь. Или же сам Раймунд повел себя неуклюже, когда выходил отсюда. Обычно он старался не оставлять следов, но вчера его захватили мысли о событиях того дня, о битве, Мелисанде и проблеме, которая на него свалилась.

---

¹³ Котта – верхняя одежда из шерсти, льна или шелка. В Средневековье котты носили и мужчины, и женщины. Иногда поверх нее надевали плащ-сюрко.

Вздыхнув, Раймунд раздвинул ветки, нашел припасенный на этот случай железный прут и сунул его в потайную щель между камнем и скалой. Орудя прутом как рычагом, он отодвинул камень в сторону, забрался в проход и установил камень на место. Теперь снаружи не открыть этот вход, разве что кто-то знает тайный механизм.

Раймунд немного постоял на месте, дожидаясь, чтобы глаза привыкли к темноте, а потом прошел по коридору, тщательно считая шаги. Через некоторое время Магнус опять остановился. Сейчас он уже должен был увидеть отблески костра.

Ничего.

Он прислушался.

Ничего.

Раймунд приказал себе успокоиться. Вероятно, от переутомления девочка уснула, вот и не заметила, как костер погас. Он вновь двинулся вперед, считая шаги. Теперь Раймунд должен был очутиться где-то в центре пещеры. Он протянул руку к соломенной лежанке, уже зная, что Мелисанды там нет. В полной тишине пещеры он бы услышал ее дыхание.

Куда же подевалась эта девчонка? Неужели кто-то... Раймунд в очередной раз призвал себя к спокойствию. Достав огниво, он зажег факел и внимательно осмотрелся.

Мелисанда не могла уйти далеко. Костер догорел, но пепел был еще теплым. Может быть, люди де Брюса нашли это укрытие? Увидели, как он с девочкой скрылся в скале? Обнаружили механизм? И Мелисанда уже мертва?

Нет. Раймунд опять одернул себя. Он не должен так думать. Наверное, девчушка просто не усидела в пещере и вышла в лес. Какая глупость! Если де Брюс поймает Мелисанду там, ее ждет верная смерть. А он потеряет свое укрытие.

Раймунд еще раз осмотрел пещеру. Нужно было сохранять спокойствие, чего бы это ни стоило. Он должен найти девочку. И должен подумать о самом себе. Указывало ли что-то на его причастность к ее исчезновению?

Нет.

Раймунд задумался. Вряд ли Мелисанда была столь глупа, что выбралась наружу с той стороны, с которой они зашли в пещеру. И все же Раймунд подошел к входу и проверил, на месте ли веточка. Он всегда укладывал тонкую ветку на камень, когда входил в укрытие. Вот и сейчас ветка была на месте. Никто не пользовался этим входом. Значит, она выбралась через ход с другой стороны.

Раймунд едва слышно ругнулся. Вот дурочка! Сбежала, и теперь они оба в опасности.

* * *

Фон Закинген снял легкие доспехи и спрятал их под ветками и листвой. Затем он переоделся в наряд купца – эту одежду капитан всегда держал наготове в тайнике неподалеку от города. В Эсслингене никто, кроме его человека, не мог сказать, кто он на самом деле. А фон Закинген уже изучил этот город как свои пять пальцев. Он не раз бывал здесь, и горожане охотно делились с ним всеми интересными сплетнями.

Невзирая на яркий лунный свет, ему потребовалась целая ночь, чтобы добраться сюда из Адлербурга, – он не хотел ехать через ущелье и, сделав крюк, добрался до Айха, а оттуда поехал по дороге вдоль Неккара.

Городские ворота давно были открыты, на улицах царил суeta.

Фон Закинген направился в таверну «У черного медведя», где его обычно дожидался осведомитель. Владельцу таверны принадлежал и постоялый двор «У колодца», где останавливались зажиточные господа. Тарелки там всегда были чистые, а вино подавали в фаянсовых бокалах.

Фон Закинген спокойно прошел через Верхние ворота. Тот, кто хотел въехать в город с повозкой, должен был показать, что везет. Некоторых в Эсслинген не пускали – например, из-за того, что испортился товар или в городе было слишком много торговцев, продававших то же самое. Но одинокий всадник без клади стражу не интересовал.

Спешившись перед таверной «У черного медведя», фон Закинген передал коня подбежавшему слуге и направился ко входу. Служанка открыла ему дверь, сделала книксен и соблазнительно улыбнулась, но фон Закингену было не до флирта. Девушка подвела его к столику у окна и поставила перед ним кувшин вина и деревянную кружку. Эберхард попробовал угощение. Трактирщик знал свое дело – вино было изумительным, в нем чувствовался привкус гвоздики и тмина¹⁴.

Рыцарь оглянулся. Кроме него в таверне сидели еще четыре человека: седой старик опустил голову на столешницу и беззвучно спал, неподалеку завтракали двое широкоплечих парней, наверное поденчики, нанявшиеся для строительных работ. А в углу, прислонившись спиной к столбу, сидел Дитрих по прозвищу Лис. Его осведомитель.

Закинген перехватил взгляд доносчика, и Дитрих тут же занял место за его столиком.

Служанка принесла им вторую кружку.

– Чего изволите, господа?

– Принеси нам хлеба с сыром, – ответил фон Закинген. – Сыр прекрасно сочетается с красным вином.

Девушка присела в книксене и отправилась выполнять заказ.

Фон Закинген, кивнув, перевел взгляд на Лиса. Как и всегда при встрече с ним, Эберхард подумал о том, откуда у этого парня шрам, тянувшийся через все лицо. Пока что Дитрих не пожелал раскрыть свою тайну, и фон Закинген не собирался докучать ему расспросами на этот счет.

– Я слышал о монахе, который недавно приехал в Эсслинген, – начал он. – Что вы можете рассказать о нем?

– Вы имеете в виду францисканца? – Голос у Лиса был глубоким и чуть хрипловатым. – Что именно вам нужно узнать?

– Уезжал ли он вчера из города? Может быть, искал еретиков среди крестьян?

Дитрих прищурился.

– Вчера какой-то францисканец действительно выезжал в Фильдерн. Думаю, как раз тот, о котором мы говорим. По слухам, он вернулся в монастырь поздно.

– Ночью, значит... – Фон Закинген потер заросший щетиной подбородок.

Служанка поставила сыр и хлеб на стол и отошла.

– Говорят, он был не в себе. Что-то нес о каком-то явлении, – продолжил Лис.

– А о девушке ничего не говорил?

– Говорил, мол, явилась ему сама Дева Мария и он уберег ее от вальденсов.

– Выпейте, Дитрих. – Фон Закинген осушил свою кружку и налил еще.

Он был доволен. Картина постепенно вырисовывалась. Судя по всему, монах пытался скрыть правду, вот и придумал эту историю о явлении Девы Марии.

– Он в монастыре?

Дитрих, хмыкнув, кивнул. Он выпил вина, и Закинген тут же налил ему еще.

– Но сегодня монах собирается ехать в Штутгарт, а оттуда – в Нюрнберг. Его задача – написать о том, есть ли в округе еретики. – Лицо Дитриха оставалось невозмутимым.

– И как? Есть тут у нас еретики?

– Полагаю, да. Как и в любом свободном городе.

---

¹⁴ В Средневековье вино часто было слишком кислым, поэтому его подслащивали медом и добавляли в него разные пряности, в том числе гвоздику и тмин.

– Как же зовут этого набожного человека?

– В монастыре братья называют его Евсевий. Он полагается на помощь Божью, поскольку собирается ехать один.

Фон Закинген поднял правую бровь.

– Похоже, Господь сегодня на моей стороне.

Он достал из кошель монету и протянул ее Лису.

– Благодарю вас. Если у брата Евсевия будет то, что я ищу, то вы получите еще. Держите ушки на макушке.

* * *

– Ах ты, говнюк! – кричал извозчик. – А ну, пошел вон! Освободи дорогу!

Спрятавшаяся за валуном Мелисанда наблюдала за перепалкой. Она прошла по лесу к Неккару, зная, что вдоль берега тянется дорога. Девочка не могла пока понять, в какой стороне Эсслинген, и потому решила подождать, не появятся ли направляющиеся в город путники. Дорога была такой узкой, что две телеги едва ли могли разминуться.

– Я тебе покажу! – надсаживался второй извозчик, потрясая кулаками. – Нет, ну вы посмотрите, как он доски сложил! Ах ты, паскуда! Придурок!

Первый налился кровью.

– Это ты, сукин сын, меня еще и придурком обзывать будешь?! Пустобрех заполошный! Сейчас как вмажу!

Они одновременно спрыгнули с телег и набросились друг на друга.

Отличная возможность!

Мелисанда, пригнувшись, подбежала к груженной ящиками и бочками повозке и забралась внутрь. Она уже некоторое время слушала их перебранку и выяснила, что владелец этой повозки направлялся в Плинзау. Вскоре она нашла то, что искала: пустой ящик. Девочка залезла внутрь и, свернувшись калачиком, замерла.

Кулачный бой закончился довольно быстро – подоспели другие торопившиеся в город перевозчики, разняли драчунов и уложили доски так, чтобы телеги могли разминуться. Вскоре оба двинулись в путь, выкрикивая друг другу вслед все ругательства, какие только могли вспомнить.

Мелисанда неспроста не залезла в бочку: они стояли в передней части повозки и их наверняка должны были выгрузить в первую очередь. Но если удача не отвернется от нее, перевозчик позволит себе пропустить кружечку-другую винца в перерыве и только потом займется пустыми ящиками.

Повозка катилась по дороге, и на каждом ухабе Мелисанда билась головой о крышку. Это напомнило ей о вчерашней поездке. Вчерашней? Ей казалось, что все это было так давно, будто в другой жизни. Жизни, в которой она была дочерью богатого купца и не волновалась ни о чем, кроме как о младшей сестренке, следовавшей за ней по пятам, да о псалмах, заданных учителем.

Слезы навернулись ей на глаза. Что бы она ни отдала за урок латыни! Или за то, чтобы еще раз услышать нытье Гертруды: «Ты куда, Мел? Возьми меня с собой. Я тоже хочу в лес!»

* * *

Фон Закинген легко выследил брата Евсевия на дороге в Штутгарт. В пути он обогнал телегу, извозчик которой проклинал всех и вся, не скупясь на ругательства. Судя по доносившимся до него обрывкам брани, фон Закинген понял, что этому бедняге чем-то не угодили торговцы древесиной.

Францисканец медленно шел вдоль реки. В правой руке он сжимал посох, а на спине нес заплечную сумку.

Фон Закинген спешился и взял коня под уздцы.

– Могу я пройти с вами, брат?

– Конечно, прошу вас. – Монах явно обрадовался.

Завоевать доверие францисканца оказалось легче, чем ожидал Эберхард. Евсевий тут же принялся рассказывать о монастырской жизни – мол, это нелегко, но только так открывается путь к Господу. Говорил он и о тяжелых испытаниях, выпадающих на долю человека, о том, что сумел справиться со всеми искушениями.

– Всеми! – несколько раз подчеркнул Евсевий. – Всеми!

Фон Закинген сразу понял, что совесть этого человека нечиста. Теперь нужно было узнать, что же гнетет столь говорливого святошу.

– Богоугодная жизнь полна лишений, – с пониманием произнес он. – А сатана неустанно искушает нас.

– Именно. – Францисканец перекрестился.

– Особенно часто дьявол является нам в образе женщины, – продолжил Эберхард.

Он протянул монаху бурдюк с вином, и у того быстро развязался язык.

– Благородный господин, как хорошо, что вы все понимаете. Вы человек справедливый, это сразу видно.

Фон Закинген тепло улыбнулся, кивнул и опустил ладонь на плечо церковника.

– Ну, мы ведь оба мужчины, верно? Разве не сам Господь указывал нам повелевать женщинами, существами слабыми и по природе своей греховными?

– Истинно так, аминь.

– И разве люди Божьи не несут в этом смысле особую ответственность?

– Как мудры ваши слова. Может быть, и вы раньше были монахом, но вернулись к мирской жизни?

– Вы угадали, брат. – Фон Закинген солгал не моргнув глазом. Он сжал узкое плечо монаха. – Меня звали тогда брат Фома, и Господь послал мне суровые испытания, проверяя мою веру раз за разом. Однажды... – Эберхард запнулся. – Нет, вы станете презирать меня.

Евсевий мягко улыбнулся и взял фон Закингена за руку.

– Ни в коем случае. Милость Господа безгранична. Расскажите мне!

– Она была так молода... Так невинна... Так чиста...

Евсевий побелел и нервно сглотнул.

– Вот видите? Я стал вам омерзителен, – с грустью произнес Эберхард и, отступив на шаг, отвернулся.

Но монах опустил руки ему на плечи и сказал:

– Я вас так понимаю... Правда.

Фон Закинген медленно обернулся. Ему даже удалось выжать из себя слезу.

– Я вам не верю. Вы просто хотите утешить меня.

Евсевий глубоко вздохнул.

– Иногда пути Господни неисповедимы. Послушайте же мой рассказ. Вчера я шел неподалеку от ущелья, погруженный в молитву. И тут мой путь пересекла юная дева. Она была в смятении, чуть не сбила меня с ног. Я поддержал ее, ибо девушка была слаба в ногах и едва не падала. Мы присели, чтобы она могла отдышаться. Ее теплое нежное тело дрожало, девушка цеплялась за меня, рыдая. Я утешал ее, гладил ее рыжие волосы. Ей это понравилось. Она перестала дрожать, и я ощутил прикосновение ее груди. Женственность только расцвела в ней. И тут явилась мне Богородица Мария и сказала, чтобы я взял эту деву, ибо того хочет Господь. Что же мне было делать?

– Господь – пастырь наш.

Монах перекрестился.

– Истинно так. – Он кашлянул. – Та девица знала, что должна покориться слуге Божьему, и приняла свою судьбу. Но затем вдруг начала вырываться. Ну что тут скажешь? Там лежал камень, сам Господь возложил его туда, ибо он всеведущ и всемогущ.

– Аминь, – пробормотал фон Закинген, стараясь сдержать смех.

Как легко оказалось вырвать у этого простака признание!

– Аминь, – повторил за ним монах.

– Вы похоронили ее?

Глаза Евсевия блестели, словно от жара.

– Да. Никто не должен узнать, где она погребена. Ее душа уже отправилась в ад. Ужасно!

– Ужасно. Та девица, должно быть, была ведьмой. Иначе как бы она посмела воспротивиться воле Божьей? Вы ведь сказали, что она была рыжей, так? Значит, она служила дьяволу, в этом нет никаких сомнений. Я восхищен крепостью вашей веры и вашей отвагой.

Евсевий вздрогнул.

– Во имя Господа Всемогущего, вы правы. Эта девица наверняка была ведьмой! – согласился он.

Голос монаха дрогнул, вино уже давало о себе знать.

– Нужно сжечь ее! Сжечь ее тело!

– Именно. Так тому и быть. Прошу вас, позвольте мне помочь вам. И благодарю вас. – Фон Закинген обнял Евсевия, и монах удивленно, но не без удовольствия обнял его в ответ. – Вы избавили меня от тяжких угрызений совести. Ведь мы с вами так похожи.

Его сердце выскакивало из груди. Неудивительно, что они не нашли Мелисанду Вильгельмис!

* * *

Мелисанда насторожилась. Повозка остановилась. Послышались какие-то голоса, кто-то забрался в телегу, скрипнуло дерево.

Девочка вжалась в ящик. «Ну же, они должны вначале разгрузить бочки».

– А что там сзади, в ящиках? – грубо осведомился кто-то.

– Ящики пусты, туда я должен сложить товары для моего господина.

– Пусты, говоришь? – Шаги приблизились.

Мелисанда задержала дыхание. Они остановились перед городскими воротами Эсслингена. Почему она не подумала об этом? Невзирая на летний зной, девочку зазнобило. Ну почему она не осталась в той пещере?! Как она могла так сглупить?!

Но тут кто-то громко крикнул:

– Эй, вон он! Держи вора!

Мелисанда оцепенела. Снаружи, похоже, поднялась суматоха. Повозку качнуло, взвизгнула женщина. Очевидно, какого-то воришку поймали на горячем.

Мелисанда осторожно подняла голову. Что, если это шанс сбежать? Но прежде чем она успела снять крышку с ящика и выглянуть наружу, повозка покатила дальше. Кучер воспользовался подвернувшейся возможностью и продолжил свой путь. Может быть, он сам указал на кого-то и обвинил беднягу в воровстве, чтобы отвлечь стражника. Наверное, в повозке все же находилось что-то, что не должны были найти. Если бы этот парень знал, что везет не только какой-то запрещенный товар, но и девочку, за чью голову обещана награда!

Они неслись по городу на полном ходу. Мелисанда билась головой о крышку ящика, но не решалась устроиться поудобнее.

Наконец повозка остановилась, опять заскрипело дерево, бочки покатались на землю. Кто-то отдавал приказы, кто-то ворчал себе под нос. У Мелисанды зашкаливал пульс. Скоро все закончится.

Через некоторое время голоса затихли. Вокруг воцарилась тишина.

Подождав немного, Мелисанда приподняла крышку ящика. Все бочки уже убрали, в повозке осталось всего несколько ящиков. Вокруг бродили куры. Во дворе не было ни души. Из дома доносился приглушенный разговор.

Мелисанда потеряла ноги, чувствуя, как они занемели. Опираясь на руки, она попыталась выбраться из ящика, но тут же упала. После долгой поездки девочка не смогла устоять на ногах.

Но Мелисанда не сдалась и предприняла вторую попытку. На этот раз ей удалось выскользнуть из повозки. Поспешно оглядевшись по сторонам, она шмыгнула к воротам. Вокруг Плинзау тянулись поля, на которых крестьяне выращивали пшеницу. Испуганным зверьком Мелисанда метнулась за ворота постоянного двора и спряталась среди колосьев. Вокруг, на кромке полей, виднелись сараи и сеновалы.

Как хорошо, что Мелисанда в свое время любила гулять по городу. Она знала Эсслинген как свои пять пальцев. До Шельцторских ворот, неподалеку от которых стоял дом палача, оставалась лишь пара сотен шагов. Ворота открывали во время работы конного рынка. Раз в месяц со всей округи в Эсслинген съезжались торговцы и ржание лошадей было слышно на другом берегу Неккара. Но сегодня лошадьми не торговали и у Шельцтора было тихо.

Мелисанда увидела дом палача издалека. Это оказалась вовсе не полуразрушенная хижина, как предполагала девочка, а массивное здание, которому позавидовал бы даже зажиточный горожанин. Наклонные балки фахверка прекрасно сохранились и в сочетании с каменным основанием дома придавали строению достойный вид. Гонтовая крыша могла выдержать и затяжные ливни, и снегопад. Подойдя поближе, Мелисанда поняла, что тут пахнет вовсе не мертвечиной, как она боялась, а травами. Слева и справа от дома раскинулся сад, густо заросший разными растениями. Мелисанда разглядела кервель, лук, укроп, золотарник и мяту. Она осторожно подобралась поближе. Ставни и дверь были закрыты. Девочка подергала дверную ручку. Безрезультатно.

Она поспешно шмыгнула за дом и вжалась в стену. Вон он, черный ход. Она осторожно толкнула дверь, но та была заперта. Мелисанда в отчаянии оглянулась. Она проделала такой долгий путь, но не могла войти в дом! Может быть, ей удастся забраться внутрь через окно?

И вдруг чья-то рука легла ей на плечо, а вторая зажала рот.

– Так, пришло время избавиться от Мелисанды Вильгельмис!

* * *

Фон Закинген всмотрелся в лицо девочки. Вернее, в то, что от этого лица осталось. Он никогда не видел Мелисанду Вильгельмис, но если бы и был знаком с ней, не смог бы определить, она это или нет. От ударов монаха лицо девочки превратилось в кровавое месиво: сломанный нос, разбитые губы. Девочке было не больше тринадцати. Очень худенькая, с огненно-рыжими волосами, покрытыми слоем грязи. Фон Закинген осмотрел ее руки, но так и не понял, есть ли на них мозоли, как полагалось крестьянским девицам, или же это руки купеческой дочери, нежные и ухоженные. Кожа на руках была счесана, в ранки набилась земля. Грязь покрывала ее тело, но Эберхард разглядел кровоподтеки у нее на руках и ногах. На бедрах засохла кровь. Набожный церковник сильно избил девочку. И не только.

– Я соберу хворост для костра. Мы сожжем ее, а потом развеем прах по ветру, – торжественно объявил Евсейий. – Так эта ведьма больше не причинит людям вреда.

Фон Закинген хотел помочь ему собирать ветки, но монах отказался.

– Благодарю вас, друг мой, но это моя задача. Отдохните. Вы и так оказали мне огромную услугу.

– Как скажете.

Эберхард улегся в тени дуба и стал ждать. Вскоре монах насобирав целую гору хвороста. Подготовив все для костра, он, запыхавшись, остановился.

– Отлично. – С улыбкой на лице фон Закинген встал.

Обнажив свой меч, рыцарь отрубил потрясенному монаху голову, забрал у него из сумки документы, а потом уложил тело на дрова и развел костер, следя за тем, чтобы пламя не перекинулось на лес. Обугленные останки он не трогал. Может быть, поджаренный монах придется лесным зверям больше по вкусу, чем простой крестьянин? Фон Закинген покачал головой. Едва ли. Звери были мудрыми созданиями, они распознали бы лживую сущность этого церковника быстрее, чем люди. Глупцов так легко было обмануть парой набожных изречений и монашеской сутаной.

Фон Закинген завернул труп девочки в попону, уложил свою ношу на седло и повел беспокойно прядущую ушами лошадь в поводу, заматывая длинной веткой следы.

* * *

Мелисанда не сопротивлялась. Она знала, что ей не вырваться из этой железной хватки. Да она и не возражала. От облегчения, которое она испытала, ей хотелось броситься палачу на шею. Но Раймунд Магнус, похоже, был не очень-то рад ее видеть.

Грубо схватив девочку за руку, он потащил ее за собой.

– Скорее в дом! И набрось капюшон. Мы оба можем погибнуть только из-за того, что ты оказалась такой непослушной дурехой!

Втащив ее на крыльцо, палач снял с пояса ключ. Беззвучно открылся замок, и дверь распахнулась.

Втолкнув Мелисанду внутрь, Раймунд захлопнул за собой дверь, прошел в комнату и открыл ставни.

Девочка с любопытством огляделась. Темные доски пола, почерневший от копоти потолок и старые балки, которые, казалось, поддерживали эту крышу с самого начала времен, впитывая солнечный свет. В центре комнаты возвышалась толстая несущая балка, настолько широкая, что Мелисанда могла бы спрятаться за ней. Справа, судя по всему, был вход в спальню, занавешенный тканью, а рядом с ним висел странный меч – он не сужался к острию, а закруглялся.

– Это меч для казни? – прошептала девочка.

– Именно он. И мне очень хочется опробовать его на тебе. – Раймунд сжал ее руки. – Мелисанда Вильгельмис, если ты еще раз не сделаешь так, как я тебе говорю, я сам брошу тебя в Неккар и позабочусь о том, чтобы ты никогда не всплыла на поверхность. Груз будет достаточно тяжелым, поверь мне. Я серьезно. Ты ничего не знаешь о жизни!

Выражение его лица испугало Мелисанду. Серо-голубые глаза блестели, как сталь меча, губы растянулись в тонкую линию. Он так крепко сжал ее руку, что у Мелисанды мелькнула мысль о том, что ее кости вот-вот сломаются.

– Я больше никогда не ослушаюсь вас, – пробормотала она.

Но Раймунд ее не отпустил.

– Поклянись. Клянись душой своего покойного отца, Конрада Вильгельмиса. Клянись душой своей покойной матери, Беаты Вильгельмис.

Эти слова обрушивались на нее, как девятихвостая плеть на спину приговоренного. Девочке хотелось сбежать, умчаться прочь от этого ужасного человека, от этих страшных глаз, способных наводить порчу. Вон из этого дома смерти.

Но Раймунд все не отпускал ее.

– Клянись душой своей покойной сестры, Гертруды Вильгельмис. Клянись душой своего покойного брата, Рудгера Вильгельмиса. Клянись! Немедленно!

Наконец его голос отзвенел, в доме повисла пугающая тишина.

Магнус разжал хватку, и Мелисанда отшатнулась. Она еще никогда не слышала, чтобы кто-то говорил столь холодно и жестоко, как Раймунд-палач. Но ей больше некуда было податься. Никто больше не защитит дочь из вырезанной семьи, которой уготована смерть. Никто не защитит девочку, за которой охотится безжалостный граф. Потрясенная до глубины души, Мелисанда подняла правую руку.

– Я, Мелисанда Вильгельмис... – Она запнулась.

– Дальше, – прорычал Раймунд, протянув к ней руку, словно собирался ударить.

– Клянусь душой своего покойного отца, Конрада Вильгельмиса... – Мелисанду охватила тоска, голос дрогнул.

Но Раймунд не спускал с нее взгляда.

– Клянусь душой моей покойной матери, Беаты Вильгельмис. Клянусь душой моей покойной сестры, Гертруды Вильгельмис. Клянусь душой моего покойного брата, Рудгера Вильгельмиса. Клянусь душой моего покойного брата, умершего без имени. Клянусь, что больше никогда не послушаюсь вас, Раймунд Магнус. И вновь клянусь, что убью Отмара де Брюса, уничтожившего мою семью. – Девочка всхлипнула. – И да поможет мне Господь.

Лицо Раймунда смягчилось.

– Хорошо, Мелисанда. Хорошо. Ты должна попроситься с ними. Ты должна помнить, что увидишь их только в загробной жизни. Если ты не поймешь этого, тебе не обрести покоя. – Он нежно погладил девочку по голове и вытер слезы на ее щеках. – Иди сюда, посмотрим на меч.

Они подошли к балке, и Раймунд показал ей серебристое лезвие, переливавшееся, точно в нем текла вода.

– Видишь? Видишь, как блестит? Этот меч передавали в моей семье из поколения в поколение. Его создал кузнец-норманн. Этот северянин работал над мечом несколько месяцев. Он утверждал, что сам Один помогал ему. Ты знаешь, кто такой Один?

Мелисанда покачала головой и медленно провела кончиком пальца по лезвию. Клинок был удивительно гладким. Отблески света на мече действовали на нее успокаивающе.

– Осторожно. Можно лишиться пальца. Нерта очень опасна.

– Нерта?

– Так зовут этот меч.

– Так звали твою жену?

Лицо Раймунда дрогнуло.

– Нет. Хотя ей подошло бы это имя. Богиня Нерта заботилась о мире и справедливости среди людей. Это языческая легенда. – Он смущенно улыбнулся. – Ты же знаешь легенды северян? Любишь предания и саги?

– Да. Больше всего мне нравятся сказания о рыцарях. – Девочка встала на цыпочки и дотронулась до рукояти меча.

От прикосновения у нее мурашки побежали по спине.

И вдруг перед ее внутренним взором вспыхнула яркая и отчетливая картина: де Брюс стоит перед ней на коленях, его глаза завязаны, а она заносит Нерту у него над головой.

Нерта подарит ей покой, когда голова этого чудовища скатится ей под ноги, точно гнилое яблоко.

Мелисанда закрыла глаза. Образ все больше захватывал ее мысли. Меч поднимался и опускался, голова катилась и катилась, толпа ликовала, а она становилась свободной.

Словно издалека до нее донесся голос Раймунда:

– Что с тобой, малышка?

Она очнулась от грез.

– Чтобы отрубить голову этим мечом, нужны годы тренировок, – сказал Раймунд. – Нужно упражняться каждый день. Нужны сила, скорость и решимость. Некоторые приговоренные в последний момент дергаются. Тогда нужно перенаправить лезвие. Тебе хочется собственноручно отрубить Оттмару де Брюсу голову, да?

Мелисанда кивнула.

– Забудь об этом. Тебе его не победить. А мечом для казни может пользоваться только мужчина. К тому же осквернивший себя работой палача. Так говорит закон.

* * *

Де Брюс вращал моргенштерн¹⁵ над головой. Он нанес удар, и доска, заменявшая щит, рассыпалась в щепки.

– Очень хорошо, господин! – Оружейник подошел поближе. – Но в бою не следует так долго вращать моргенштерн. Это очень утомительно и дает противнику время, чтобы отреагировать. Удар должен быть молниеносным.

Де Брюс мрачно кивнул. Ему принесли новую доску, и рыцарь принял атакующую стойку. Оружейник отошел в сторону и, выждав, вскинул руку. Моргенштерн дернулся вверх, де Брюс резко повернулся и с разворота ударил по доске. Мальчик-оруженосец, подбежав, собрал щепки.

– Великолепно, – похвалил оружейник. – Именно так. Хотите поупражняться в защите от атак моргенштерном?

– Да, – кивнул запыхавшийся де Брюс.

Пока он тренировался, не было времени подумать о его провале, о мелкой дряни, ускользнувшей у него из рук.

Де Брюс как раз надел щит, когда от ворот послышался голос стражника:

– Господин! Фон Закинген вернулся. Он что-то привез.

Де Брюс немедленно отбросил щит, сорвал шлем с головы и побежал к своему капитану стражи.

– Я хочу услышать только одну новость! – воскликнул он.

Фон Закинген спрыгнул с коня, снял с седла сверток и положил его на землю.

– К сожалению, брат Евсевий нашел ее раньше нас. Похоже, он неплохо с ней развлекся. Жаль только, что от лица почти ничего не осталось. – Он указал на кровавый груз на земле. – Но это, несомненно, она. Монах рассказал мне о том, что случилось. Все сходится.

Де Брюс потер подбородок, почесал в затылке, пнул труп.

– Это может быть она... – задумчиво пробормотал он. – Цвет волос подходит. Рост. Возраст. И одета она была в какие-то обноски. Да, это может быть она. Может! Но что, если это не она?

Фон Закинген промолчал.

А де Брюс задумался. Если это Мелисанда Вильгельмис, то он может не волноваться. Он добился своего. Но откуда же эти сомнения? Убитая девчонка очень походит на дочку Вильгельмиса. Какова вероятность того, что в один и тот же день в одном лесу заблудились две рыжие девчонки? Граф покачал головой.

---

¹⁵ Моргенштерн – «утренняя звезда» (нем.), «звезда Жижки» – название ударного оружия с шаровидной боевой поверхностью, снабженной металлическими шипами. Это название могло применяться к булавам, палицам, кистеням. (Примеч. ред.)

– Хорошо. Отличная работа, фон Закинген. Как и всегда. – Он указал на труп. – Сожгите и смелите кости. Пускай от нее ничего не останется.

Двое слуг поспешили выполнить его приказ. Де Брюс задумчиво проследил, как они уносят труп. Рыжие волосы тянулись по земле, взметая пыль.

Граф прикусил нижнюю губу. В животе у него урчало, точно он проглотил камень.

Он раздраженно повернулся к фон Закингену:

– Вы уверены, что это она? Тогда скажите мне, почему у меня такое странное ощущение в желудке?

Капитан кашлянул.

– Странное ощущение? Возможно, вы голодны, господин?

Де Брюс расхохотался.

– Дорогой мой! – Он хлопнул фон Закингена по плечу. – Иногда ответ проще, чем предполагаешь. Давайте устроим праздник в честь великого свершения. Пора навестить мой винный погреб. Думаю, меня мучает не голод, а жажда.

* * *

Раймунд опустил руку на плечо Мелисанды.

– Ты не можешь оставаться тут. Тогда тебе пришлось бы сидеть дома целыми днями. И ночью тоже. Никто не должен узнать о тебе, иначе уже через два дня де Брюс будет здесь, а я не смогу защитить тебя. Это не жизнь. Ни для тебя, ни для меня. Я найду кого-нибудь, кто позаботится о тебе. Кого-нибудь подальше отсюда, где тебя никто не знает. Деньги у тебя есть, и я дам тебе еще. Через два-три года ты сможешь выйти замуж. Ты найдешь себе чудесного супруга, и тебе уже не нужно будет бояться де Брюса. Мелисанда?..

Девочка сидела перед камином, вороша пепел кочергой. Ее взгляд остекленел.

С таким же успехом Раймунд мог бы говорить со стеной. Тем не менее он был уверен, что она слышала каждое его слово.

– А теперь я приготовлю что-нибудь поесть, – продолжил Магнус, думая, что Мелисанду нужно чем-нибудь занять. – Будь добра, помоги мне.

Девочка не шелохнулась.

– Мелисанда!

Но она не отвечала. Раймунд вздохнул. Наверное, нужно оставить Мелисанду в покое, по крайней мере пока. Вкусный обед вернет ее к жизни. Может быть, тогда она поймет, как для нее будет лучше.

Подбросив хвороста в камин, он уложил сверху дрова и развел огонь. Потом порезал лук и фенхель и принес из кладовой кусок копченого мяса. Вскоре в доме вкусно запахло супом. На лбу у Раймунда выступил пот. Оставив суп довариваться, мужчина оглянулся. Мелисанда все еще сидела без движения. Делая вид, что он не обращает на нее внимания, Раймунд переоделся и сложил крестьянский наряд в сундук. Затем он снял со стены вторую ложку, которой обычно пользовалась Эслин, и, положив ее на стол, снова продолжил возиться с супом.

Все это время он не спускал с Мелисанды глаз. Девочка, не поднимая головы, смотрела в огонь. Подойдя поближе, он осторожно опустил ладонь ей на плечо.

– Обед готов, Мелисанда. Ты должна поесть. Тебе нужны силы.

Она не ответила. Раймунд задумался. Наклонившись к ней, он прошептал ей на ухо:

– Тебе нужны силы, если ты хочешь победить де Брюса. Ты должна поесть. Ради твоей цели.

Он налил суп в миски, разломил хлеб, наполнил два бокала разбавленным вином и сел за стол. Только когда Раймунд взял себе добавку, Мелисанда присоединилась к нему и

принялась есть. По ее лицу было непонятно, пришелся ли ей по вкусу приготовленный им суп и замечает ли она вообще, что ест.

Раймунд вздохнул. Во всяком случае, ее не стошнило.

Он убрал со стола.

Мелисанду, похоже, ничего не интересовало. Может быть, он слишком надавил на нее? Она потеряла всю свою семью, сама чуть не погибла. В военных походах Раймунду доводилось видеть детей, сидевших на обочине дороги. Они ничего не ели и не пили, ничего не делали. Просто сидели там. Как собака, чей хозяин погиб.

Но Мелисанда справится. Через пару дней она вновь будет улыбаться, а когда ее примет новая семья, где-нибудь подальше от Эсслингена, девочка обо всем забудет.

Раймунд указал на дверь рядом с печкой, которая вела в спальню.

– Спать будешь там. Ложись-ка прямо сейчас, чтобы тебя никто не увидел. Вдруг кто-нибудь заглянет в окно? А мне нужно на работу. Стражники поймали одного воришку, и я должен уговорить его сказать правду.

Он налил себе вина и выпил его залпом.

– Возможно, мне придется задержаться. К тому же я должен сегодня еще кое-что уладить. Не зажигай ни свечу, ни лампаду, когда стемнеет! Поняла?

Мелисанда кивнула.

– И помни о данной тобой клятве. Если ты снова ослушаешься меня, мы оба погибнем. Ты это понимаешь?

Она опять кивнула.

– Вот и хорошо.

Раймунд взял сумку со всем необходимым: после допроса нужно будет обработать раны вора, поэтому он прихватил целебную мазь, очищенную свиную кишку и несколько полосок выстиранной льняной ткани.

Когда Раймунд вышел из дома, по земле уже протянулись длинные тени. Он прошел через Внутренний мост. Тут еще толпилось много людей. Мимо проехала телега, груженная хлебом, и хотя Магнус был сыт, он с наслаждением вдохнул аппетитный запах.

Палач шел с низко опущенной головой. Он не хотел видеть лица прохожих, замечать проступившее в их чертах выражение – страх, отвращение, ужас. Иногда у него возникало желание подвесить кого-нибудь из этих идиотов на дыбе, чтобы внушить им хоть немного уважения.

Вскоре он подобрался к Шелькопфской башне и громко потребовал, чтобы ему открыли. Дверь тюрьмы отворилась, и наружу выглянул низенький толстый человечек. Это был член городского совета Конрад Земпах, запыхавшийся от подъема по витой лестнице. Рядом с ним Раймунд увидел судью Хеннера Лангкопа. Орлиный нос и суровое выражение лица этого господина обычно вселяли страх в сердца преступников.

– Хорошо, что ты наконец-то пришел, палач, – поприветствовал его Лангкоп. – Надеюсь, нам не придется больше ждать. Мало того, что этот бездельник украл мальтер¹⁶ муки, принадлежавшей уважаемому господину Яну Шлепперу, он еще отказывается признать свое преступление! Его видели на хуторе Шлеппера, а у него дома нашли мешок с мукой и черпак, которым он раскладывал муку по мешочкам поменьше. Думаю, мешки и черпак он тоже украл.

Раймунд кивнул.

– Не тревожьтесь, господа. Вскоре он обо всем вспомнит. Я с удовольствием освежу его память.

---

¹⁶ Мальтер – мера объема, различалась даже от деревни к деревне. Так, в Гессене один мальтер составлял 1,2 гектолитра, а в Саксонии – 12,5.

– Если он признается, нужно будет сразу же отрубить ему левую руку. Так он запомнит, что нельзя брать чужое. – Конрад Земпах упер руки в бока. – Второй судья, Эндерс фон Фильдерн, вскоре будет здесь, и мы сможем вынести приговор. – Толстяк оглянулся. – А где писарь? – рявкнул он, и у Раймунда зазвенело в ушах.

Хеннер поморщился.

– Он уже внизу, в пыточной.

Раймунд пошел вниз по лестнице, два стражника последовали за ним. Вскоре они очутились в подвале. Справа находились камеры, а рядом была устроена пыточная, представлявшая собой помещение длиной в пятнадцать и шириной в двадцать шагов. Здесь Раймунд держал свои инструменты. На стене напротив входа висели разнообразные клещи, чтобы каждый преступник, входя сюда, знал, что его ожидает. Блестела недавно смазанная дыба. Дополняли картину жом для пальцев, разрыватель груди и две «груши», предназначенные для растягивания мышц. На полочках лежало все необходимое для того, чтобы после пыток привести преступника в чувство, иначе он не смог бы признать свое преступление или хотя бы подписать признание. Особенно Раймунд гордился растяжкой, с помощью которой мог вправлять кости при открытых переломах.

Вор уже сидел на железном стуле – довольно дорогим и внушающем страх: его украшали шипы, металлические кольца, которыми можно было закрепить руки и ноги допрашиваемого, а в сиденье было предусмотрено отверстие, куда палач мог просунуть острые железные прутья.

Раймунд сразу узнал бедолагу. Нищий дурачок, пару месяцев назад поселившийся в городе. И никогда ему не стать теперь настоящим горожанином в Эсслингене. И дело было не только в его бедности. Несчастному отрубят руку и навсегда выгонят из города. Если он не умрет от голода, культя может нагноиться, ведь Раймунд обрабатывал рану всего раз, после приведения приговора в действие. Магнус вспомнил, что случилось с этим человеком. По слухам, в пожаре погибла вся его семья и только он выжил. Но ему не хватило сил, чтобы управиться с хутором, и потому у него отобрали землю и передали ее другому.

– Как тебя зовут? – спросил Раймунд, подходя ближе.

Преступника била крупная дрожь, и он не мог вымолвить ни слова.

– Нам известно, что его имя – Юлий, сын Вольфганга. Он свободный крестьянин, проживавший ранее под Эсслингеном, – послышался из угла голос писаря.

– Юлий, сын Вольфганга, – начал Конрад Земпах, – отвечай, ты ли украл у Яна Шеппера мешок муки, чтобы продать ее и обогатиться?

У преступника все еще стучали зубы, с его губ слетел то ли стон, то ли всхлип.

Раймунд повернулся к Лангкопу:

– Господин, может быть, мне немного успокоить его, чтобы он хотя бы мог говорить?

– Да-да, – кивнул судья. – Дайте ему ваш эликсир, но побыстрее. Уже вечерет, а у нас есть дела поважнее, чем возиться с каким-то жалким воришкой.

– Спасибо, господин. – Раймунд вытащил из кошеля глиняный пузырек, подошел к Юлию и, схватив беднягу за челюсть, влил ему в рот пару капель.

Преступник не мог повернуть голову – ее удерживала металлическая петля. Ему пришлось проглотить. Через минуту дрожь утихла.

– Юлий, сын Вольфганга, – повторил Конрад Земпах, – отвечай, ты ли украл у Яна Шеппера мешок муки, чтобы продать ее и обогатиться?

– Ян Шеппер... Я не знаю никакого Яна Шеппера... – запинаясь, произнес обвиняемый.

Даже в тусклом свете факелов Раймунд разглядел, что лицо Конрада Земпаху налилось кровью. Толстяк потянулся к металлическому пруту, но Лангкоп остановил его.

– Не стоит его бить, Земпах. От этого у нас будут одни неприятности, вы же знаете.

Член совета опустил оружие.

Раймунд много лет знал этого мужчину. Он отличался чрезвычайной вспыльчивостью, и говаривали, что он никого, кроме себя, не любит. Но к Раймунду он всегда хорошо относился, даже проявлял щедрость. Так, недавно Земпах выступил на городском совете с предложением повысить Раймунду жалованье.

– Откуда у тебя мука?! – взревел Земпах. – Говори, иначе мастер-палач тебе покажет!

– Да я этот мешок на дороге подобрал, там никого рядом не было, вот я и взял его.

– Ты лжешь! Есть свидетели, видевшие, как ты удаляешься от хутора Шеппера с мешком муки на плечах! – надсаживаясь, кричал Земпах. – Сознаться в содеянном!

Но Юлий лишь повесил голову и расплакался.

– Раймунд, пыточных дел мастер и палач Эсслингена, исполни свой долг. – От предвкушения в глазах Земпах вспыхнула радость.

Раймунд поклонился и снял со стены массивные щипцы длиной в руку. Он опустил их на жаровню и раздул огонь.

Металл тут же покраснел, точно щеки Земпах. Взяв орудие, палач сунул его Юлию под нос. Лицо обвиняемого исказилось от ужаса.

– Если ты скажешь правду, я отложу щипцы и не причиню тебе боли.

Юлий закрыл глаза.

Раймунд знал таких людей. Только почувствовав боль, они понимали, что все обстоит серьезно. Раймунд кивнул одному из стражников, и тот засунул в рот обвиняемому кляп.

– Ты сам так захотел. Да смилостивится над тобой Господь.

Щипцы впились в левую руку упряма. Послышалось шипение, взметнулось облачко дыма, запахло жженой плотью.

Глаза Юлия чуть не выскочили из глазниц, каждая мышца в его теле напряглась, но крика не было слышно из-за кляпа.

Тем временем пришел третий судья, Эндерс фон Фильдерн. Это был широкоплечий седовласый мужчина с добродушным лицом.

Раймунд положил щипцы на жаровню и осмотрел нанесенное ранение. Очень болезненное, но если этот парень выживет – что было бы чудом, – он сможет пользоваться рукой. Поставив вместо кисти железный крюк, он будет выполнять простые полевые работы и зарабатывать себе на хлеб.

По лицу обвиняемого струйками катился пот, на пол капала моча. Раймунд знал, что дальнейшие пытки не понадобятся. Юлий был готов.

Стражник вытащил из его рта кляп, и с губ обвиняемого сорвался стон, а затем плач.

Судьи и палач ждали.

– Да, я сознаюсь, – произнес Юлий. – Я взял на мельнице мешок муки, но только потому, что мне нечего было есть.

Перо писаря царапало по пергаменту.

Раймунд высвободил правую, здоровую, руку вора. Писарь протянул ему перо, и Юлий поставил под документом три крестика. Напряжение спало – дело было закрыто.

Судья Лангкоп вынес приговор и подписал документ. Поставили свои подписи и Земпах с фон Фильдерном.

Юлий разрыдался.

– Ну почему вы не казните меня сразу? Что мне делать без руки? Да еще и за пределами города? Мне ведь даже милостыню никто не подаст!

Стражник опять заткнул ему рот кляпом.

Раймунд привязал левую руку вора, готовясь отрубить ее. Приговор был не очень суровым, ему могли бы отрубить и правую руку. Магнус наложил Юлию жгут на предплечье,

чтобы избежать сильной кровопотери. Затем он выбрал тяжелый топор – им он мог отрубить кисть, не повредив лучевую кость.

Примерившись, палач нанес удар. Кисть вора осталась на подставке. Казалось, что она все еще связана с рукой, но кровь свидетельствовала о другом.

Юлий дернулся и обмяк.

– Перевяжите его и уложите на стол, – приказал Раймунд.

Стражники бросились выполнять его указания, а трое судей, кивнув палачу, покинули подвал. Их работа была выполнена, остальное их не интересовало.

Раймунд сунул Юлию подставку под ноги и открыл ему рот. Приговоренного не вырвало. На жаровне Раймунд раскалил свой нож и прижег все вены, а потом тремя ловкими движениями отделил кожу над запястьем от мышц, натянул ее на культю и, обмазав рану целебной мазью, перевязал свиной кишкой. Потом он снял жгут. Кровь сквозь повязку так и не просочилась. Хорошо. Теперь стражники могли выставить Юлия из города.

После того как двое мужчин вытащили несчастного из пыточной, Раймунд погасил огонь в жаровне и убрал в подвале. Сейчас ему хотелось отправиться в трактир «Кабан» и пропустить там пару кружек пива. Деньги за свою работу он получал в конце месяца. Пять грошей¹⁷. Хорошая плата за хорошую работу. Юлий поплатился за свой грех, все продлилось не больше часа. Кисть вора палач обещал одному из стражников – она якобы защищала дом от ограблений. За это стражник будет должен ему.

«Кабан» находился в сотне шагов отсюда. Уже сгустились сумерки, городские ворота закрыли.

Раймунд вошел в трактир. Тут пахло жарким, потом и похотью. Палач сел в углу, где находился его столик, который никто никогда не занимал. Служанка поставила перед ним терпкое пиво. Хорошенькие девушки суетились, бегая по залу, убирали пустые кружки, подливали вино, приносили еду и позволяли посетителям флиртовать с ними. Раймунд решил, что неплохо бы в ближайшие дни заглянуть к Апполонии, одной из немногих шлюх, не брезговавших палачом. Раймунд мог бы вынудить проститутку заниматься с ним сексом – в конце концов, он был назначен городом управляющим борделем и заботился о том, чтобы там все было в порядке. Раймунд передавал от мадам городу столько денег, сколько было положено. Но он никого не собирался принуждать. Напротив, Магнус чувствовал свою ответственность за вверенных ему в попечение девушек и пытался защитить их от грубых клиентов. Как-то он сломал одному мужчине обе руки – тот до полусмерти избил одну из девушек, Магдалену. Против пары царапин Раймунд не возражал, да и на синяк-другой готов был закрыть глаза. Но если шлюха не могла работать целую неделю и ее приходилось выхаживать, это было уже слишком.

Возле стойки трактирщика стояли мастер Якоб, Антон и Вильгельм. По мастеру сразу было видно, каким ремеслом он занимается: от мраморной пыли, покрывавшей его волосы тонким слоем, казалось, что он седой. У его рабочих при себе были долото, рубанки и свитки пергамента с начерченными планами строительства. Раймунд в этом ничего не понимал. Он умел считать – настолько, чтобы его не обманули. Но как высчитать ширину балки, чтобы она удержала потолок, – это для него было не понятнее псалмов на латыни, которые он бездумно повторял в церкви, не осознавая их смысла.

Эти трое пили вино, болтали о работе – похоже, у них все спорилось. Они сходились на том, что молодежь уж нынче не та, что во времена их юности все было иначе, что цены растут и на следующий год нужно будет брать больше денег за работу, чтобы не голодать.

---

¹⁷ Денежные единицы в Средневековье различались от региона к региону. В книге используются следующие значения: 1 фунт = 240 пфеннигов/60 крейцеров/20 грошей 1 грош = 12 пфеннигов 1 крейцер = 4 пфеннига 1 пфенниг = 2 геллера Две буханки хлеба стоили около одного геллера. Годовой заработок ремесленника составлял от трех до четырех фунтов.

И, конечно, о том, что аристократы, как и сто лет назад, пытаются лишиться гильдии с таким трудом отвоеванных прав и с этим надо что-то делать.

Раймунд отпил пива. Каждый глоток дарил ему ощущение покоя, размытые образы, кружившие в его сознании, сменились приятным туманом.

Но тут распахнулась дверь, ударившись о стену. На пороге стоял Маркс Бергштайн, ткач. Запыхавшись, он отфыркивался, как боевой конь. Затем он огляделся, метнулся к стойке трактирщика и, стукнув кулаком по столу, что-то зашептал. Но все слышали, что он говорит: разговоры в трактире утихли, посетители замерли, даже служанки будто остолбенели.

В этом городе Маркса знали все, а уж в трактире и подавно. Он был уважаемым горожанином, достойным представителем своей гильдии, который в будущем мог стать главой цеха.

– Вина!

Трактирщик поставил кружку на стол и налил ткачу вина. Не дождавшись, пока мужчина наполнит ее до краев, Маркс схватил кружку и осушил одним глотком.

– Все погибли. Все. – Так до сих пор и не отдышавшись, повторял Маркс.

Все, кроме Раймунда, медленно встали и собрались у стойки. Магнус не понимал, почему до сих пор не звонит колокол. Маркс, должно быть, обнаружил следы резни, устроенной де Брюсом, и сообщил городскому совету. Или он вначале побежал сюда?

В тот же миг зазвонил колокол в церкви Священномученика Дионисия. Один удар, еще один. Другие колокола подхватили этот звон. Люди, глазевшие на Маркса, выбежали из трактира, а ткач выпил еще кружку вина.

– Кто погиб? – негромко спросил Раймунд, не поднимая головы.

Маркс опустил кружку, вытер рот и повернулся к Магнусу:

– Ох, Боже правый... Вильгельмисы. Вся семья. И все, кто ехал с ними... Солдаты, рыцари, извозчики, слуги – все. На них напали в ущелье неподалеку от Фильдерна. Должно быть, сам дьявол приложил к этому руку. Они вырезали у Беаты Вильгельмис дитя из чрева. – Маркс перекрестился.

Раймунд похолодел. Должно быть, люди де Брюса отнесли тело Беаты к другим жертвам в ущелье. Значит, они вернулись на место преступления. Неужели никто не заметил исчезновения Мелисанды?

– Вы уверены в том, что погибли все?

Магнус тут же пожалел о своем вопросе. Он был задан не тем тоном. Не подобострастно, как полагается человеку его положения, а требовательно, точно на дознании.

Глаза Маркса опасно блеснули.

– А тебе какое дело, палач? Как ты смеешь так говорить со мной? Я и без того сказал слишком много. Мне пора. – Маркс бросил на стол монетку и выбежал из трактира.

Раймунд медленно встал, кивнул трактирщику и вышел в переулок. Толпа понесла его к ступеням церкви, где надсаживался глашатай. Колокола уже отзвенели, и на улицах нарастал гул встревоженных горожан.

Глашатай подул в трубу, и из толпы вышел глава городского совета, Иоганн Ремзер. Мужчина хмурился, тяжелая золотая цепь на груди раскачивалась из стороны в сторону, будто подчеркивая его возмущение.

Глашатай расправил плечи.

– Граждане Эсслингена! Послушайте, что вам скажет глава городского совета! – Поклонившись, парень отступил на шаг.

– Граждане Эсслингена! – Слова Ремзера эхом отразились от стен домов.

Такой бас можно было услышать от настоящего громилы, а не от толстенького коротышки с пухлыми щечками и свиными глазками.

– Свершилось страшное злодейство. В истории нашего почтенного города еще не случилось ничего подобного. Убита семья всеми уважаемого горожанина Эслингена, торговца тканями Конрада Вильгельмиса. Убиты все, кто сопровождал их в пути. Караван подстерегли в ущелье у Фильдерна и перебили людей, точно скот.

Ремзер подождал, пока шум в толпе утихнет. Когда воцарилась тишина, он продолжил:

– Я приказал провести расследование, чтобы выяснить, кто же покрыл наш город таким позором. Все мужчины в городе, у которых есть лошади и оружие, готовьтесь. Мы выезжаем через час.

Крики в толпе стали громче.

– Это вюртембержцы! Они же в прошлом году у нас хутора грабили!

Кто-то уже начал потрясать кулаками:

– Нужно идти войной на Вюртемберг! Зададим им жару! Разве нам не хватит сил, чтобы раз и навсегда отстоять свои границы?

Толпа, ликуя, поддержала его, но Ремзер вскинул руки.

– Поверьте, мне тоже этого хотелось бы. Может быть, когда-нибудь мы и одолеем вюртембержцев. Но пока что мы не уверены, что это они совершили сие чудовищное преступление. Рано объявлять войну. На наших землях царит мир, и мы не имеем права нарушать мирный договор без уважительной причины. Не сомневайтесь, если выяснится, что вюртембержцы как-то связаны с убийством Вильгельмисов, мы немедленно выступим против них. И если будет доказана их вина, никто не придет Вюртембергу на помощь.

Раймунд невольно почувствовал уважение к Ремзеру. Это был умный и решительный человек, умеющий управлять толпой. Конечно, горожане не обнаружат в ущелье ничего, что свидетельствовало бы против их заклятых врагов. В результате расследования выяснится, что на Вильгельмисов напали банды раубриттера Фридриха фон Кроненбурга. Кроненбург, родовое имение рыцаря-разбойника, сожгут, и спустя какое-то время уже никому не будет дела до этого убийства.

Вновь послышался сигнал трубы. Все слова были сказаны, настало время действовать. И только Раймунду было нечего делать. Обозленные горожане установят дозорных возле ущелья, соберут трупы, зашьют их в полотняные мешки. На следующее утро за телами приедут повозки. Мертвых преступников тут же и повесят – их не предадут погребению, и тела будут висеть в петлях, пока не разложатся.

В память о жертвах проведут поминальную службу и похоронят их в тени церкви Священномученика Дионисия. Сумеют ли стражники прочесть следы? Дойдут ли до поляны? Сделают ли правильные выводы? Едва ли. Они даже не заметили, что одного трупа не хватает.

Опьянение от пива развеялось, и Раймунд почувствовал, как его охватывает страх. Ничего подобного он уже давно не ощущал. Особый страх – страх за другого человека. Он боялся за Мелисанду. Нужно будет поскорее увезти ее из города.

* * *

Оттмар де Брюс, поднявшись на вершину башни, думал об истории брата Евсевия. Ему она нравилась, ведь этот случай подтверждал его правоту: все монахи были лицемерами. После мессы бегают к шлюхам, развлекаются с ними, а потом проповедуют воздержание и богобоязнь.

Осушив бокал, граф швырнул его вниз. Стекло разлетелось на мелкие осколки, испугав стражников. Оттмар сжал кулаки. Даже вино не помогало унять боль в его душе. Де Брюс и сам не знал, откуда эта боль взялась. Понимал лишь, что она медленно, но верно сводит его с ума. Только в битве, в бою эта боль отступала, умолкала на некоторое время. Но в такие

вечера, теплые, будто созданные для того, чтобы наслаждаться жизнью, боль переполняла душу де Брюса.

Мужчина достал кинжал, закатил рукав котты и провел на коже очередную линию. Из раны выступила кровь, капли покатались по старым и свежим шрамам. Оттмар глубоко вздохнул, почувствовав облегчение, которое пульсировало в его жилах. Боль утихла на несколько часов.

– Где же ты? – спросил он.

Но никто ему не ответил. Он и не ждал этого. Никто не ответит, была ли девчонка, привезенная его капитаном, Мелисандой Вильгельмис. Оттмар не сомневался в честности фон Закингена. Капитан был истинным рыцарем и солгал бы только в том случае, если бы его жизнь висела на волоске. Он нашел девочку, похожую на Мелисанду Вильгельмис. Она была в то время в том месте. Она вполне могла быть Мелисандой Вильгельмис. А могла и не быть.

Де Брюс прислушался к своим ощущениям. Боль угасла, но тревога осталась. Мелисанда Вильгельмис не умерла. Она была жива и находилась где-то там, за стенами замка. Оттмар достал из кармана серебряную заколку. Нельзя терять бдительность. Никогда. Пока он собственными руками не отправит проклятую мерзавку в ад.

* * *

Вот уже несколько часов Мелисанда не спала. Она не задернула занавеску, заменявшую дверь в спальню, и смотрела на меч. Лезвие поблескивало в лунном свете. Девочка вслушивалась в тишину. Раньше она не задумывалась о том, что на расстоянии выстрела¹⁸ от ее дома все пахло, выглядело и звучало как-то иначе.

В их доме витали запахи свежего хлеба, дорогой ткани, которой торговал отец, пряностей, хранившихся в каморке. Но больше всего Мелисанде нравился запах розового масла, которым мама натиралась на ночь.

В доме палача тоже приятно пахло: травами, подвешенными под потолком, сваренным Раймундом супом, копченым мясом и сухими дровами. Мелисанда глубоко вдохнула, и у нее возникло странное ощущение, которому вначале она не смогла подобрать название. Утешение. Да, она ощущала утешение.

Сквозь щели в ставнях пробивались лучики лунного света, игравшие на стальном лезвии меча. Мелисанда попыталась закрыть глаза и уснуть, но перед ее внутренним взором тут же предстало ущелье: кровь, раненые, печаль в глазах матери, стрела в сердечке Гертруды. Осторожно встав с кровати, девочка налила себе вина и залпом выпила его. Мысли тут же спутались. Она вернулась в спальню, забралась под одеяло и вдохнула аромат свежего сена. Но сон все не шел.

Раймунд был таким чистюлей. Почти как ее мама. Она сводила с ума всех слуг, заставляя их постоянно убирать, подметать, мыть.

Луна медленно катилась по небу, меч все поблескивал.

Мелисанда услышала, как ключ проворачивается в замке, и поспешно перевернулась на бок. Раймунд старался войти в дом тихо, но наделал столько шума, будто по комнате проскакал табун лошадей. Шаркая, он вошел в спальню девочки. Погладил Мелисанду по голове, поправил одеяло.

Мелисанда уловила исходивший от него запах пива.

– Мелисанда Вильгельмис, Богом клянусь, жизнью клянусь... Я буду защищать тебя, как родную дочь.

---

¹⁸ Расстояние выстрела: выпущенная из лука стрела могла пролететь до ста пятидесяти метров.

Он еще раз погладил девочку по голове и вышел из спальни. Вскоре послышался оглушительный храп.

Глава 3

Пыточных дел мастерица

Июнь 1330 года

Раймунд в зеленом камзоле походил на графа. Он был такой статный. Лучшего отца невесты и представить себе нельзя. Мелисанда гордилась Раймундом. На ней было темно-красное платье, сшитое на заказ. Оно подчеркивало яркое золото ее волос. Сегодня лучший день ее жизни. Сегодня она выходит замуж.

Перед церковью уже ждали жених и его семья. Адальберт Брайтхаупт, первый сын почтенного главы гильдии ткачей Фридриха Брайтхаупта, был чудесным человеком, добрым и верным. А главное, он любил ее. И Мелисанда любила его. В полнолуние он просил ее руки. Он рассыпал перед ней розовые лепестки, два музыканта спели балладу о благородном рыцаре Адальберте, завоевавшем ее сердце. На самом деле ему не пришлось завоевывать ее – Мелисанда полюбила его с первого взгляда. Едва увидев его черные глаза, она почувствовала любовь к нему. Истинную любовь, невинную и чистую, как январский снег.

И вот теперь они стояли на помосте перед церковью.

На венчание собрались все – городской совет, главы гильдий, почтенные семьи города. Еще никогда в Эслингене не играли такую пышную свадьбу: мастер Брайтхаупт не хотел, чтобы его упрекнули в скаредности. Мелисанда улыбнулась будущим свекру и свекрови, и они ответили ей теплыми улыбками.

Их с Адальбертом связали священными узами брака, и Раймунд со слезами на глазах передал свое дитя новоиспеченному супругу. Зазвенели колокола церкви Священномученика Дионисия, толпа возликовала, молодоженов забросали лепестками цветов.

Мелисанда, точно королева, прошла к карете. Они направлялись к старому домику в Фильдерне. Адальберт пожелал провести первую брачную ночь со своей возлюбленной Мелисандой там, где у них прошло первое тайное свидание. Его отец рассмеялся, узнав о желании сына, и обставил простой деревянный домик, как настоящий дворец: ковры на стенах, дубовая кровать, украшенная искусной резьбой. Символы в изголовье кровати должны были принести молодой семье любовь и здоровое потомство.

Гости, сопровождавшие молодоженов до деревянного домика, вернулись в город.

Они остались одни, и Мелисанда утонула в черных глазах мужа. Он заключил ее в объятия и стал покрывать поцелуями. Мелисанда не сомневалась, что этой ночью будет зачат их старший сын.

Вдруг раздался треск, дверь слетела с петель, и в домик ворвались вооруженные люди. Глаза Адальберта расширились от ужаса.

Мелисанда увидела фигуру в черном – точно сам дьявол явился к ней из преисподней. Отмар де Брюс.

– Мои поздравления молодым! – расхохотался он и одним ударом обезглавил Адальберта.

Мелисанда не могла кричать. Ее горло судорожно сжалось, девушка бросилась на тело супруга, ее слезы смешались с его кровью.

А потом воцарилась тишина. И тьма.

Тело Адальберта, еще теплое, исчезло. Осталось только влажное от ее пота одеяло.

Девушка осторожно приподнялась на кровати. Де Брюс исчез, как и Адальберт. Тут никого не было. Да и сама она находилась не в хижине в Фильдерне. Она была дома.

Дрожа, Мелисанда встала с кровати и отодвинула занавеску в сторону. Сердце все еще колотилось в груди как сумасшедшее, но обрывки сна постепенно тускнели, забывались, уступали место яви.

Сквозь ставни в комнату проникал серый предутренний свет. Меч палача висел на своем месте и привычно поблескивал. Все было, как и прежде.

– Это всего лишь сон, – пробормотала Мелисанда. – Глупый, очень глупый сон.

Она подошла к балке и посмотрела на Нерту. Вот уже пять лет она молилась тут каждое утро, и ее молитва неизменно заканчивалась словами: «Господи, придай мне сил, чтобы по справедливости воздать убийце моей семьи».

Помолившись, Мелисанда отдернула занавеску, прикрывавшую вход в комнату Раймунда. Рот мужчины был открыт, ресницы подрагивали. Мелисанда вздохнула. Вот уже восемнадцать месяцев Раймунд не вставал с кровати. Зимой он пошел рубить дрова и упал как подкошенный. Вначале Мелисанда подумала, что он умер, но сердце продолжало биться, пусть и слабо. Магнус выжил. Он пришел в себя только через две недели и с тех пор не мог говорить. Только бессмысленное бормотание слетало с его губ. По его глазам Мелисанда поняла, что приемный отец не сошел с ума, как сын мельника Гертфрида, – мальчик тогда бился головой о стену, пока не погиб.

Осознав, что Раймунд онемел, Мелисанда протянула ему дощечку и мел. Но Магнус не мог пошевелить рукой. Он вообще не мог двигаться, лишь чуть-чуть поворачивал голову.

Мелисанда в отчаянии взмолилась Богу, и Всевышний, сжалившись над ней, вернул больному левую руку.

Раймунд открыл глаза, улыбнулся приемной дочери и написал на табличке то же самое, что и каждый день: «Освободи меня».

И Мелисанда, как всегда, ответила:

– Я не могу. Прости меня.

Она вымыла отца, сменила простыни и платяной подгузник, который сооружала, чтобы Раймунд не испачкал всю кровать. Затем она помассировала ему руки и ноги и перевернула на бок. Семь раз в день она его переворачивала и смазывала пролежни, чтобы он не сгнил живьем. В больнице Святой Катарины Мелисанда видела лежачих больных, спина которых полностью покрылась пролежнями. С Раймундом такого не должно было случиться.

Сегодня Мелисанду ждал необычный день: в городе должна была пройти публичная казнь. Это была не первая ее казнь, но и не каждый день приходилось выполнять такую работу. Вот уже пять лет прошло с тех пор, как Мелисанда играла роль Мельхиора, немого подмастерья мастера-палача Раймунда Магнуса. После удара Раймунд был прикован к постели, и Мелисанда стала городским палачом Эсслингена. Четыре недели назад, в Вальпургиеву ночь, стражники задержали мужчину, который изнасиловал женщину и перерезал ей горло. Он еще держал нож в руках и с его одежды стекала кровь, когда его арестовали. Убийца вопил, точно свинья, вырываясь из хватки стражников, которые волокли его прочь от места преступления: мол, это не он ее убил, он только пришел, а она уже была мертва.

Мелисанде потребовалось пять минут, чтобы выбить из него признание. Она отвела его в подвал и показала пыточные инструменты, которыми воспользуется, чтобы развязать ему язык. На табличке она нарисовала, как вырвет ему ногти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.